

ЛЕЯ ВЕТРОВА

РАЗВОД В ДЕНЬ УСЫНОВЛЕНИЯ

Лея Ветрова

Развод в день усыновления

«Автор»

2026

Ветрова Л.

Развод в день усыновления / Л. Ветрова — «Автор», 2026

— Я отзываю согласие на усыновление, — говорит муж в тот самый день, когда шестилетний Ваня должен стать нашим сыном. А потом я узнаю о его беременной любовнице. Без подписи Павла суд останавливает процедуру, Ваню возвращают в детский центр, а мне предлагают развод и крошечную студию в обмен на всё, что мы нажили за одиннадцать лет. Но у Вани внезапно находится старший брат — Глеб Арсеньев, пилот санитарной авиации. Он забирает мальчика под опеку и однажды говорит ему: — Она твоя мама. Просто пока без документов. Теперь мы должны доказать опеке, что не играем в семью. Пока мой муж готовит на нас анонимную жалобу, Глеб получает приказ вернуться на север и собирается забрать Ваню с собой. Я могу потерять сына во второй раз. И мужчину, которого не собиралась любить.

© Ветрова Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Две подписи (Алина)	5
Глава 2. Комната для настоящего сына (Алина)	17
Глава 3. Старший брат (Глеб)	30
Глава 4. Четырнадцать дней (Алина)	43
Глава 5. Мальчик, который не верит взрослым (Глеб)	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Лея Ветрова

Развод в день усыновления

Глава 1. Две подписи (Алина)

На фотографии у Вани нет переднего зуба.

Он потерял его позавчера, за ужином, и теперь улыбается в камеру так широко, будто отсутствие зуба — личное достижение. В поднятой руке зажат крошечный белый треугольник. Второй рукой Ваня придерживает край стола, потому что воспитательница фотографировала его на ходу, и мальчик не успел нормально усестись.

Я увеличиваю снимок двумя пальцами. На футболке размазано картофельное пюре. Волосы торчат на затылке. За спиной виден зелёный пластиковый стакан, который Ваня терпеть не может и всё равно каждый раз берёт именно его.

Под фотографией сообщение от Светланы Андреевны:

«Просил не выбрасывать. Сказал, положит под подушку уже дома».

Дома.

Я перечитываю последнее слово и гашу экран.

В коридоре суда одиннадцать одинаковых стульев. На восьми сидят люди: женщина с папкой на коленях, двое мужчин в рабочих куртках, пожилая пара, девушка с младенцем и ещё кто-то у окна. Свободный стул рядом со мной предназначен Павлу, но уже восемь минут остаётся пустым.

Заседание назначено на десять тридцать. На часах десять двадцать три.

Я снова открываю переписку с мужем.

Вчера, 22:48.

«Ты паспорт положил?»

«Да».

«Справку с работы?»

«В папке».

«Паш, проверь, пожалуйста. Завтра из-за одной бумажки всё перенесут».

«Алин, я не debil. Всё взял».

Последнее сообщение он прислал утром:

«Буду вовремя».

Я набираю его номер. Несколько секунд слушаю гудки, затем вызов обрывается. Не сброшен — просто истекло время. Павел так делает, когда ведёт машину: выключает звук и кладёт телефон экраном вниз, чтобы не отвлекаться.

Я всегда считала это хорошей привычкой.

— Не отвечает? — спрашивает сидящая напротив женщина.

Ей лет пятьдесят. На папке у неё наклеена бумажка «иск Коваленко», и мне хочется сказать, что всё в порядке, мой муж сейчас войдёт, у него клиника на другом конце города, утром наверняка пробка. Вместо этого я улыбаюсь.

— За рулём, скорее всего.

Женщина кивает и отворачивается. Мы обе сделали вид, что объяснение убедительное.

На коленях у меня лежит наша папка. Прозрачные файлы, документы в двух экземплярах, чеки об оплате пошлины, заключение опеки. В боковом кармане — две одинаковые синие ручки. Я купила их специально, потому что вчера представила, как одна перестаёт писать в самый неподходящий момент.

Павел рассмеялся.

«Мы не ипотеку на Марсе оформляем. В суде найдётся ручка».

Конечно, найдётся. Но мне хотелось, чтобы у нас были свои.

Я достаю одну, проверяю на обороте старого чека. Паста ложится ровно. На коже большого пальца остаётся синяя точка.

— Алина Сергеевна?

Ко мне подходит Ольга Николаевна, представитель опеки. Невысокая, с короткими седыми волосами и в тёмном платье, которое я уже видела на двух последних встречах в её кабинете. Тогда мы приносили недостающие документы и обсуждали, как пройдёт заседание. Павел сидел рядом, держал меня за колено и шептал, что я перестану нервничать только после того, как нам выдадут Ваню вместе со свидетельством и инструкцией по применению.

Я смеялась слишком громко. Сотрудница за соседним столом даже подняла голову.

— Доброе утро, — я встаю, прижимая папку к животу. — Павел задерживается. Уже едет.

Ольга Николаевна смотрит на пустой стул, потом на часы.

— Судья освободилась раньше. Вас могут пригласить минут через пять.

— Он будет.

Я произношу это быстрее, чем нужно.

— Хорошо. Я пока зайду к секретарю.

Она не спрашивает, уверена ли я. За пять месяцев люди из опеки успели понять, что все вопросы, связанные с Ваней, я задаю сама. Павел присутствовал на первых встречах, потом у него начался ремонт в клинике, заболел ортопед, сорвалась поставка кресла. Причины были вескими и всегда звучали правдоподобно.

В прошлую субботу он не поехал выбирать кровать, потому что принимал пациента с острой болью.

Кровать я заказала одна.

Белый деревянный каркас, два выдвижных ящика, бортик, чтобы Ваня не падал. Павелу не понравилась цена. Мне не понравилось, что он так и не спросил, какую выбрал Ваня.

На экране снова десять двадцать три. Я понимаю, что смотрю на старую минуту: телефон завис на фотографии. Провожу пальцем вверх. Десять двадцать семь.

Звоню ещё раз.

На этот раз Павел сбрасывает.

Я не успеваю решить, что это означает. В конце коридора открывается дверь, впуская вместе с холодным воздухом троих человек. Первым входит мужчина с портфелем. За ним — высокая женщина в светлом пальто. Павел придерживает для неё дверь.

Секунду я смотрю только на его руку.

Пальцы лежат на металлической ручке. Манжета рубашки видна из-под рукава пальто. На запястье часы, которые я подарила ему на десятилетие клиники.

Женщина оборачивается и что-то говорит. Павел наклоняется к ней, чтобы расслышать. Его ладонь перемещается с двери на её спину — привычно, точно он делал это не один раз.

Я узнаю Кристину Раеву, администратора клиники.

Мы виделись на новогоднем корпоративе и ещё несколько раз, когда я приезжала к Павлу на работу. Кристина всегда поднималась из-за стойки, улыбалась и предлагала кофе. Павел говорил, что она толковая, но слишком медленно соображает в стрессовых ситуациях.

Сегодня она идёт медленно.

Светлое пальто расстёгнуто. Под ним свободное вязаное платье, которое не скрывает округлившийся живот. Не огромный и не такой, чтобы его можно было заметить с другого конца улицы. Но я замечаю сразу.

Потому что смотрю туда, куда Павел кладёт руку.

Он видит меня. Останавливается. Кристина делает ещё шаг, замечает, что осталась одна, и тоже замирает.

Мужчина с портфелем проходит мимо.

— Ты опоздал, — говорю я.

Голос нормальный. Даже спокойнее, чем пять минут назад.

Павел подходит ближе. Его рука больше не касается Кристины, но расстояние между ними остаётся слишком маленьким. В таком расстоянии люди стоят в лифте, если он переполнен. Коридор пуст наполовину.

— Нам надо поговорить до заседания.

— Через три минуты нас вызовут.

Я смотрю на Кристину. Она не здоровается. Прижимает к боку небольшую чёрную сумку и проводит языком по нижней губе, стирая с неё блеск.

— Почему она здесь?

Павел оглядывается. Женщина с папкой напротив уже не притворяется, что занята документами.

— Не в коридоре, Алин.

Он берёт меня под локоть.

Я отдёргиваю руку так резко, что папка соскальзывает. Нижний край ударяется о пол, один из файлов вылезает наружу. Павел наклоняется помочь, но я успеваю первой.

— Не трогай.

Синяя ручка катится под соседний стул. Кристина делает движение в её сторону и останавливается.

— Паша хотел сам тебе всё сказать, — произносит она.

У неё низкий голос. Я вспоминаю, как слышала его из динамика автомобиля. Кристина звонила по поводу расписания, Павел включил громкую связь и раздражённо спросил, не способна ли она самостоятельно передвинуть двух пациентов.

Это было в воскресенье. Мы ехали покупать Ване зимнюю куртку.

— Я спрашиваю мужа.

Кристина отводит взгляд.

Павел расстёгивает пальто. В коридоре жарко, но он делает это медленно, словно нам действительно предстоит обычный разговор и можно начать с удобства.

— Я сегодня отзову заявление.

Слова не складываются.

Я смотрю на папку у себя в руках. На первой странице под прозрачным пластиком написаны наши фамилии. Белов Павел Андреевич. Белова Алина Сергеевна.

— Какое заявление?

Он сжимает губы.

— Не начинай.

— Какое заявление ты отзовёшь?

— На усыновление.

Из кабинета выходит секретарь, оглядывает коридор и снова скрывается за дверью. Наверное, ищет нас. Ольга Николаевна говорила, что позовут через пять минут.

Прошло четыре.

— Зачем?

Я всё ещё жду другой причины. Ошибки в документах. Проблемы с клиникой. Болезни, о которой он не сказал. Чего угодно, что можно исправить, перенести, вылечить.

Павел смотрит на Кристину. Не на живот — ей в лицо. Она едва заметно кивает.

— Кристина беременна.

Синяя ручка лежит под стулом у женщины с папкой. Я вижу её совершенно отчётливо: прозрачный корпус, белый колпачок, тёмная полоска пасты. Нужно нагнуться и поднять, пока кто-нибудь не наступил.

— Я вижу.

— Тогда понимаешь, почему всё изменилось.

— Нет.

Павел шумно выдыхает через нос. Так он делает, когда пациент опаздывает и потом просит принять его между записью.

— У нас будет ребёнок, Алина.

— У кого — у нас?

Кристина закрывает пальцами край пальто. На безымянном пальце тонкое кольцо, не обручальное. Я зачем-то отмечаю это и сразу злюсь на себя. Будто отсутствие кольца способно вернуть разговору нормальный смысл.

— Не устраивай сцену, — тихо говорит Павел. — Я хотел сообщить после заседания, но получилось бы ещё хуже.

— После заседания?

— Я не это имел в виду.

— Мы должны были сегодня стать родителями. Ты собирался сообщить мне после?

— Никем мы сегодня не должны были стать. Суд мог перенести решение. Потом ещё срок вступления в силу. Не делай вид, будто ребёнок уже жил у нас.

Я смотрю на него и впервые замечаю, что он пришёл без папки.

Вчера он написал: «Всё взял».

— Где документы?

Павел морщится.

— Какая теперь разница?

— Ты вообще собирался их приносить?

— Я собирался прийти и сказать судье, что не поддерживаю заявление.

— А Ване?

Павел проводит ладонью по подбородку. На коже у него проступила тёмная щетина, хотя перед важными встречами он всегда брился дважды: сначала дома, потом подравнивал возле ушей в кабинете.

— С Ваней поговорят специалисты.

— Ты обещал приехать к нему в субботу.

— Я ничего ему не обещал.

— Обещал. Ты сказал, что привезёшь самолёт, который он выбрал.

— Значит, передадим через воспитателя.

Передадим.

Как коробку с обувью, которая не подошла.

— Павел Андреевич, Алина Сергеевна? — зовёт секретарь. — Приготовьтесь, пожалуйста. Через минуту заходите.

Ольга Николаевна появляется за её плечом, видит нас троих и останавливается.

— Всё хорошо?

— Да, — отвечает Павел раньше меня. — Возникли новые обстоятельства.

Я перевожу взгляд на Кристину.

— Какой срок?

Она не сразу понимает, что вопрос адресован ей.

— Двадцать две недели.

Почти пять с половиной месяцев.

Столько же времени мы ездим к Ване.

Первую фотографию Кристины с новогоднего корпоратива я нахожу в памяти без телефона. Серебристое платье, тонкая талия, бокал в руке. Павел стоит через двух человек от неё.

В тот вечер он вернулся домой после трёх, лёг на край кровати и сказал, что устал слушать пьяных сотрудников.

Через неделю мы впервые увидели анкету Вани.

— Ты знал, — говорю я.

Павел поправляет ворот рубашки.

— Недавно подтвердили, что всё в порядке.

— Ты знал, когда мы выбирали кровать.

— Алин, сейчас не время.

— Когда проходили школу приёмных родителей, ты уже с ней спал?

Кристина отворачивается к окну. Павел наклоняется ко мне, понижая голос:

— Следи за тем, что говоришь.

Я почти смеюсь. Он изменяет мне с сотрудницей, приводит её беременную в суд в день усыновления и всё равно уверен, что неприлично веду себя я.

— Ответь.

— Наши отношения давно закончились. Ты просто не хотела этого замечать.

— Вчера они ещё не закончились. Ты ел приготовленный мной ужин и спрашивал, погладила ли я белую рубашку.

Павел опускает глаза на белую рубашку.

— Мы живём как соседи.

— Соседям обычно не врут, что едут на конференцию, чтобы спать с администратором.

— Я не обязана это слушать, — говорит Кристина.

Она поворачивается к Павлу. Не ко мне.

— Ты сказал, что всё уже решено.

— Решено.

— Тогда объясни ей и пойдём.

В её голосе нет торжества. Только усталость и раздражение человека, который приехал по делу и не рассчитывал задерживаться. От этого становится хуже. Я не соперница, которую она победила. Я препятствие в расписании.

— Идите, — повторяет секретарь. — Судья ждёт.

Я прижимаю папку к груди. Пластиковый угол упирается под ключицу.

— Зайдешь со мной.

Павел качает головой.

— Я затем и приехал.

— Нет. Ты зайдешь и скажешь судье, что поддерживаешь заявление.

— Не скажу.

— Мы заберём Ваню. А дома ты соберёшь вещи и уйдешь к ней. Можешь разводиться, можешь делать что хочешь, но мальчика ты сейчас не бросишь.

На лице Павла появляется жалость. Та самая, с которой он объясняет взрослым пациентам, что зуб уже не спасти.

— Ты не понимаешь. Мне не нужен чужой ребёнок, когда через четыре месяца родится мой.

За спиной кто-то втягивает воздух. Кажется, женщина с папкой.

Я не оборачиваюсь.

— Ваня пять месяцев называет твою фотографию папиной.

— Не надо было разрешать.

— Ты сам подписал её.

— Потому что ты просила.

— Я просила тебя стать ему отцом?

Павел берёт Кристину за руку. Не демонстративно — будто забывает, что я смотрю.

— Ты хотела ребёнка, Алина. Я пытался тебя поддержать. Но обстоятельства изменились. Дверь в зал остаётся открытой. Секретарь ждёт, придерживая её плечом.

Я нагибаюсь, достаю из-под стула ручку и вытираю корпус о ладонь. Женщина напротив поднимает ноги, освобождая место. Теперь она смотрит на меня без любопытства.

С жалостью.

— Пойдём, — говорю я.

Павел отпускает руку Кристины.

Я захожу первой.

В зале четыре окна, но открывается только одно. Из щели тянет холодом. На подоконнике лежитдохлая муха, и секретарь несколько раз проходит мимо неё, раскладывая бумаги.

Судья просит нас сесть.

Павел занимает стул справа. Между нами остаётся расстояние сантиметров двадцать, но я чувствую от его пальто запах парфюма. Утром он пользовался моим феном, пока я завязывала волосы. Я стояла возле шкафа, выбирала блузку, и он сказал, что синяя делает меня бледной.

Я надела молочную.

Теперь рукав этой блузки касается его локтя.

Кристина остаётся в коридоре. Так правильно. Закрытое заседание. Вопрос, который касается только семьи.

Семья сидит по одну сторону стола, а любовница ждёт за дверью.

Судья называет дело и проверяет явку. Потом просит паспорта. Я кладу свой на стол. Павел достаёт паспорт из внутреннего кармана пальто.

Значит, хотя бы его он взял.

— Заявители Белова Алина Сергеевна и Белов Павел Андреевич, — произносит судья, сверяясь с документами. — Представитель органа опеки присутствует. Прокурор присутствует. До начала рассмотрения имеются ходатайства, заявления?

Я поворачиваюсь к Павлу.

Он смотрит прямо перед собой.

— Имеется, Ваша честь.

Судья поднимает глаза.

— Слушаю вас.

— Я не поддерживаю заявление об усыновлении и прошу его в отношении меня не рассматривать.

Он говорит ровно, без пауз. Наверное, репетировал в машине. Возможно, Кристина слушала и поправляла формулировки.

Секретарь начинает печатать.

— Причина? — спрашивает судья.

— Изменились семейные обстоятельства.

— Вы понимаете правовые последствия своего отказа?

— Да.

— На вас оказывается давление?

— Нет.

Я жду, что дальше спросят меня, но судья продолжает смотреть на Павла.

— Решение добровольное?

— Полностью.

Каждый ответ отделяет его от Вани аккуратнее, чем ножницы режут бумагу. Без крика, без объяснений, без лица мальчика перед глазами.

— Я поддерживаю заявление, — говорю я.

Секретарь перестаёт печатать. Судья переводит взгляд на меня.

— Алина Сергеевна, подождите. Я предоставлю вам слово.

— Я не отказываюсь. Все документы действительны, условия у меня есть. Я работаю. Я прошла подготовку. Заключение опеки положительное.

Ольга Николаевна сидит сбоку, сцепив руки на столе. Я пытаюсь поймать её взгляд, но она смотрит на судью.

— Заявление подано вами совместно, — говорит судья. — Вопрос об усыновлении ребёнка одной вами не может быть разрешён автоматически в рамках совместного заявления.

— Тогда я подам другое.

— Вы состоите в зарегистрированном браке. Для усыновления одним из супругов требуется согласие второго, за исключением предусмотренных законом случаев.

Я поворачиваюсь к Павлу.

— Дай согласие.

Судья хмурится.

— Алина Сергеевна, обращайтесь к суду.

— Простите.

Павел сдвигает паспорт ближе к себе.

— Я согласия не дам.

Вот теперь судья смотрит на него иначе. Не осуждающе — судьи, наверное, быстро учатся не показывать отношение к людям. Просто дольше, чем прежде.

— Вы возражаете против усыновления ребёнка супругой?

— Да.

— На каком основании?

— Мы разводимся. Я не считаю, что она справится одна.

Мои пальцы сжимаются на ручке. Колпачок трескается с тихим щелчком.

— Ты вчера считал, что я справлюсь, — говорю я.

— Вчера мы обсуждали другой состав семьи.

— Павел Андреевич, — останавливает его судья. — Суд не рассматривает сейчас ваши брачные отношения. Отвечайте на поставленные вопросы.

— Я ответил.

— Есть ли обстоятельства, связанные непосредственно с заявительницей, которые, по вашему мнению, препятствуют усыновлению?

Павел молчит.

Я вижу, как он выбирает. Может сказать, что я пью, бью детей, не работаю или не в состоянии отвечать за себя. В его распоряжении несколько секунд и моя жизнь, которую он знает до мелочей.

— Нет, — наконец произносит он. — Но я не согласен.

Секретарь снова печатает.

Я разжимаю пальцы. Сломанный колпачок впился в кожу, оставив белую полосу.

Судья задаёт ещё несколько вопросов. Я слышу отдельные слова: прекращение производства, совместное заявление, интересы ребёнка, повторное обращение. Ольга Николаевна объясняет, что Ваня пока остаётся в центре и ему потребуется психологическая поддержка.

Пока остаётся.

Будто потом его всё равно отдадут мне.

— Можно перенести заседание? — спрашиваю я. — На неделю. На месяц. Мы решим вопрос с разводом, и я подам заявление одна.

— Усыновление не является способом разрешения конфликта между супругами, — отвечает судья. — Суд не может игнорировать позицию второго заявителя и новые семейные обстоятельства.

Новые семейные обстоятельства сидят за дверью и, возможно, сейчас глядят живот.

— Я не использую Ваню для решения конфликта.

— Я этого не сказала.

— Но он ждёт. Мы подготовили комнату. Я обещала приехать за ним после суда.

— Ему сообщили, что сегодня вы его заберёте? — быстро спрашивает Ольга Николаевна.

— Нет. Не прямо. Я сказала, что скоро всё решится.

Она едва заметно выдыхает.

— Хорошо, что не сообщили точную дату.

Хорошо.

Сегодня всё наполнено хорошими новостями. Хорошо, что Ваня не успел переехать. Хорошо, что Павел привёл любовницу до заседания, а не после. Хорошо, что мальчику не придётся распаковывать вещи в комнате, которую уже пообещали другому ребёнку.

— Алина Сергеевна, — голос судьи становится мягче, — сейчас вам нужно спокойно обсудить дальнейшие действия с органом опеки. Это заседание продолжать невозможно.

— А если Павел даст согласие позже?

— Я не дам, — говорит муж.

Не судье. Мне.

Судья объявляет решение по нашему заявлению, но я не запоминаю точную формулировку. Подписывать ничего не приходится. Две ручки лежат в боковом кармане папки — одна целая, другая со сломанным колпачком.

Я приготовила их для двух подписей.

Не понадобилась ни одна.

В туалете пахнет хлоркой и дешёвым яблочным мылом. Из трёх кабинок закрыта крайняя. Я встаю перед раковиной и держу руки под водой, пока пальцы не начинают ломить от холода.

Синяя точка на большом пальце не смывается.

Зеркало висит слишком низко. Я вижу себя до середины лба: выбившиеся волосы, серую кожу, ворот молочной блузки. На ткани возле ключицы осталась красная полоска от папки.

Дверь открывается.

В отражении появляется Кристина.

Она останавливается у входа, будто ошиблась туалетом. Потом всё же заходит и закрывает дверь.

— Паша ждёт тебя возле зала.

Я беру бумажное полотенце. Оно расползается в мокрых пальцах.

— Передай Паше, что я знаю дорогу домой.

Кристина подходит к соседней раковине, но воду не включает.

Вблизи она выглядит старше, чем за стойкой клиники. Под глазами тонкий слой консилера собрался в складках. На воротнике пальто прилип светлый волос.

Мой или её — не определить.

— Я не хотела, чтобы получилось так.

— А как ты хотела?

Она поджимает губы.

— Чтобы он сначала поговорил с тобой.

— До того, как ты забеременела?

— До суда.

Я бросаю полотенце в урну. Оно цепляется за край и падает на пол.

— Очень бережно с твоей стороны.

— Я понимаю, что ты сейчас...

— Не понимаешь.

Кристина кладёт ладонь на живот. Не защищаясь от меня — скорее по привычке. Павел тоже держал её там, когда они вошли.

— Возможно, — соглашается она. — Но ребёнок уже есть. Нельзя делать вид, что ничего не произошло.

— Ваня тоже есть.

Она смотрит на меня через зеркало.

— Он не ваш ребёнок.

— Поэтому его можно вычеркнуть за минуту?

— Я не это сказала.

— Это сказал отец твоего ребёнка. Ты стояла рядом.

Кристина впервые опускает глаза.

— Павел не хотел усыновления.

— Он подал заявление.

— Потому что боялся тебя потерять.

Я поворачиваюсь к ней.

— Откуда ты знаешь, чего он боялся?

Молчание длится недолго, но ответа уже не требуется.

Она знает, как я плакала после второго ЭКО. Знает, что Павел согласился на усыновление не сразу. Наверняка знает, сколько раз мы занимались сексом и когда перестали. Всё, что муж не говорил мне за ужином, он рассказывал женщине за стойкой администратора.

— Сколько?

— Что?

— Сколько вы вместе?

Кристина поправляет ремешок сумки.

— Больше года.

— Год и сколько?

— Алина, какая разница?

— Мне хочется знать, на каком месяце нашего брака я стала единственным человеком, который не в курсе, что он закончился.

Она смотрит на дверь.

— Год и три месяца.

Я киваю.

Пятнадцать месяцев назад Павел повёз меня в санаторий после обследования. Сам выбрал номер с балконом, заказал шампанское, хотя врач просил исключить алкоголь. На второй день ему позвонили из клиники. Он час разговаривал в ванной, чтобы не мешать мне спать.

Кристина тогда уже существовала.

Не как администратор.

— Вы останетесь в нашей квартире? — спрашиваю я.

Она хмурится.

— Это лучше обсудить с Павлом.

Значит, останутся.

— Комната с голубой стеной уже свободна. Кровать привезут в четверг. Только она рассчитана до восьмидесяти килограммов, младенцу придётся немного подрасти.

— Я не собираюсь с тобой ругаться.

— А что ты собираешься делать?

— Родить ребёнка.

Простой ответ. Честнее всего, что я сегодня слышала.

Кристина выходит. Я остаюсь перед низким зеркалом.

На безымянном пальце кольцо сидит плотно. Утром я пыталась снять его, чтобы намазать руки кремом, но сустав не пропустил. Наверное, нужно мыло.

Я нажимаю на дозатор. Растираю скользкую пену по пальцу, прокручиваю кольцо один раз, второй. Кожа краснеет. Металл проходит через сустав и падает в раковину с коротким звоном.

Несколько секунд я смотрю, как вода огибает его и уходит в слив.

Потом выключаю кран, достаю кольцо и кладу в карман.

Выбрасывать пока рано.

Оно тоже куплено в браке.

В коридоре Павел стоит возле окна. Кристина рядом, но теперь между ними полшага — наверное, она успела сказать, что я вышла из себя и опасна для беременных.

— Поехали домой, — говорит он. — Там спокойно поговорим.

— Я на своей машине.

— Ты не в состоянии вести.

— Зато в состоянии подписать документы об усыновлении. Удивительный организм.

Он оглядывается на Кристину.

— Хватит.

— Я приеду домой. Заберу вещи и документы. Потом поговорим.

— Куда ты собралась?

— Пока не решила.

— Алина, не занимайся демонстрациями. Никто тебя сегодня не выгоняет.

Сегодня.

Слово он произносит не случайно.

— Отдай ключи от моей машины, — продолжает Павел. — Я вызову тебе такси.

— Машина оформлена на меня.

— Куплена на мои деньги.

— На наши.

— Потом разберёмся.

Он протягивает руку, ожидая ключи. Я смотрю на ладонь, которой двадцать минут назад он держал Кристину за спину.

— Убери.

— Не заставляй меня делать это здесь.

— Что именно? Отбирать у жены ключи после того, как отказался от ребёнка? Здесь уже все в курсе. Можешь не стесняться.

Павел краснеет пятнами возле ушей. Раньше я всегда старалась остановиться до этого момента. Не спорить при людях, не повышать голос, не ставить его в положение, где он выглядит смешно.

Сегодня он справляется сам.

— Алина Сергеевна, — зовёт Ольга Николаевна.

Она стоит у двери зала с моей папкой в руках. Я не заметила, что оставила её внутри.

— Нам необходимо поговорить.

Павел выпрямляется.

— Я подожду.

— Разговор касается дальнейшего устройства ребёнка, — сухо отвечает Ольга Николаевна. — Вы отказались от участия в процедуре.

Павел переводит взгляд на меня.

— Пять минут, — говорю я.

— Мы будем в машине, — сообщает Кристина и первой идёт к выходу.

Павел задерживается, словно собирается что-то сказать. Потом следует за ней.

Я принимаю папку. Ольга Николаевна не отпускает её сразу.

— Присядем?

На прежнем месте теперь свободны два стула. Женщина с иском Коваленко ушла. Под её сиденьем осталась смятая салфетка.

Мы садимся.

— Я могу сегодня увидеть Ваню? — спрашиваю я. — Я не стану рассказывать про суд. Просто приеду, как обычно.

— Сегодня лучше не приезжать.

— Почему?

— Светлана Андреевна должна подготовить его к изменениям.

— Каким изменениям? Я подам заявление снова. После развода мне не потребуется согласие Павла.

Ольга Николаевна кладёт ладони на папку.

— Это возможно не сразу. Кроме того, появилось новое обстоятельство.

— Опять?

Она не реагирует на тон.

— Во время дополнительной проверки родственных связей удалось найти совершеннолетнего брата Ивана по отцу.

Я слышу слова по отдельности.

Совершеннолетнего.

Брата.

— У Вани нет брата.

— Есть. Они носят разные фамилии. Отец Ивана много лет не общался со старшим сыном, поэтому сведения обнаружили не сразу.

— Он знал о Ване?

— По его словам, нет.

— И что ему нужно?

Ольга Николаевна делает небольшую паузу.

— Он подал заявление о назначении опекуном.

Папка лежит между нами. Под прозрачной обложкой по-прежнему видны две фамилии — моя и Павла. Только теперь они не означают ничего.

— Где он был раньше?

— Работал в Якутии, в санитарной авиации. Его нашли через работодателя. Вчера вечером он прилетел в город.

— Как его зовут?

— Глеб Викторович Арсеньев.

Имя ничего мне не говорит.

— Он уже видел Ваню?

— Первая встреча назначена на завтра.

— Без меня?

— Решение пока не принято. Мы обсудим это со Светланой Андреевной.

Я достаю телефон и открываю фотографию. Ваня улыбается без переднего зуба, подняв его над головой. Под подушку он собирался положить зуб уже дома.

Неизвестно только, в чьём.

Павел сегодня отказался от мальчика, которого пять месяцев просил называть сыном.

А незнакомый Глеб Арсеньев прилетел за ним через полстраны.

Глава 2. Комната для настоящего сына (Алина)

До дома восемнадцать минут.

Я еду тридцать семь.

На каждом светофоре успеваю посмотреть на телефон, хотя он не звонит. Светлана Андреевна не присылает новых фотографий. Ольга Николаевна не сообщает, разрешат ли мне завтра присутствовать при встрече Вани с братом. Павел дважды появляется на экране и оба раза исчезает раньше, чем я решаю, отвечать или нет.

Я держу руль обеими руками. Скорость — пятьдесят два. Впереди свободная дорога, сзади сигналиит водитель тёмного внедорожника, но я не перестраиваюсь. Павел сказал, что я не в состоянии вести. Теперь каждое движение приходится выполнять особенно аккуратно, будто он сидит рядом и ждёт, когда я задену бордюр.

На повороте к дому внедорожник обгоняет меня через сплошную. За рулём оказывается женщина лет шестидесяти. Она показывает мне что-то в зеркало. По форме пальца легко догадаться что.

Я почти благодарна ей.

Последние десять минут я думаю только о том, какой Павел подлец. Несколько секунд можно подумать о другом человеке.

Его машина уже стоит у подъезда.

Кристины внутри нет. По крайней мере, пассажирское сиденье пустое. Я проезжаю мимо, нахожу место у соседнего дома и глушу двигатель.

Пальцы не разжимаются.

Приходится отдирать их от руля по одному.

На ладонях остаются четыре красных полукруга от ногтей. Синяя точка на большом пальце стала бледнее, но не исчезла. Я тру её подушечкой указательного. Бесполезно.

Телефон снова загорается.

«Я дома. Давай поговорим без цирка».

Павел.

Я перечитываю сообщение, открываю дверь и только потом понимаю, что оставила папку на пассажирском сиденье. Возвращаюсь за ней. Внутри лежат документы, которые больше никуда не нужно нести, две ручки и заключение опеки с фразой «супружеская пара производит благоприятное впечатление».

Заключение выдали три недели назад.

Мы с Павлом тогда ещё умели производить впечатление.

В подъезде пахнет жареным луком. На первом этаже кто-то выставил за дверь пакет с мусором, и дверцы лифта закрываются не сразу: одна упирается в торчащую картонную коробку. Я поправляю её носком ботинка.

На нашем этаже Павел ждёт с открытой дверью.

Он снял пальто и белую рубашку. На нём серые домашние брюки и чёрная футболка, которую я купила прошлой весной. Волосы влажные у висков — успел принять душ.

Смыть суд. Кристинин запах. Может быть, меня.

— Почему машину бросила у соседнего дома? — спрашивает он вместо приветствия.

— Там было место.

— У нас два места во дворе.

— На одном стоишь ты.

Павел отступает, пропуская меня. Я вхожу и ставлю папку на тумбу. Рядом лежат его ключи, бумажник и часы. Те самые, которые я подарила на десятилетие клиники. Он обычно не снимает их до ночи.

Мои туфли стоят возле стены параллельно друг другу. Утром я переобулась и, видимо, машинально поправила носы. Павловы ботинки брошены поперёк коврика.

Обычный беспорядок вызывает такую злость, что мне хочется взять один ботинок и швырнуть в зеркало.

Я аккуратно отодвигаю его ногой.

— Кристина где?

— Поехала домой.

— К себе?

Павел закрывает дверь чуть громче, чем нужно.

— Не цепляйся к словам.

— Я пытаюсь понять, какое из ваших мест проживания пока считается её домом.

— Алина.

— Что?

— Сними пальто. Давай сядем и поговорим как взрослые люди.

Он уже сделал кофе. На кухонном столе две чашки, возле моей — молочник. Павел помнит, что после полудня я не пью чёрный. Он умеет помнить полезные мелочи. Поэтому пятнадцать месяцев вранья выглядят не ошибкой памяти, а хорошо организованной работой.

Я не снимаю пальто.

— Говори.

— Не в прихожей же.

— Мне здесь удобно.

— А мне нет.

— Ты можешь уйти к Кристине домой. Куда бы это ни было.

Павел проводит ладонью по лицу. Щетина тихо шуршит о кожу.

— Я понимаю, что ты злишься.

— Нет. Ты понимаешь только то, что я ещё не кричу.

Он смотрит на моё пальто, на сумку, на папку у зеркала. Наверное, оценивает, действительно ли я собираюсь уйти. В суде я сказала, что заберу вещи. Для Павла произнесённое в коридоре — это демонстрация. Настоящие решения он привык принимать за закрытой дверью.

Я растёгиваю верхнюю пуговицу. В квартире жарко.

— Хорошо, — говорит он. — Я виноват, что не сказал раньше.

— Насколько раньше?

— Не начинай считать месяцы.

— Поздно. Кристина уже посчитала. Год и три.

У него меняется лицо. Совсем немного: на переносице появляется складка.

— Она не должна была с тобой это обсуждать.

— А кто должен? Ты?

Павел отводит взгляд первым.

— Да. Я.

— Тогда обсуждай.

Он берёт свою чашку и делает глоток. Кофе успел остыть, но Павел всё равно морщится, будто обжёгся.

— Всё началось прошлой весной. В клинике был аврал. Я почти не бывал дома.

— Ты бывал. Ты здесь спал.

— Я приходил ночевать. Это не одно и то же.

— Для меня было одно и то же. Я не знала, что у нашего брака изменился график работы.

Он ставит чашку на стол. На белой поверхности остаётся мокрый круг. Раньше я сразу вытирала такие следы, потому что столешница капризная и Павел постоянно об этом забывает.

Теперь пусть разбухает.

— После второй попытки мы вообще перестали разговаривать, — продолжает он. — Ты жила обследованиями. Потом школой приёмных родителей. Потом Ваней. У тебя всегда было что-то важнее нас.

— А у тебя Кристина.

— Сначала не было Кристины.

— Четыре месяца не было? Пять?

— Я не вёл календарь.

— Она вела. Пятнадцать месяцев — довольно точный ответ.

Павел сжимает ручку чашки. Я знаю эту руку: длинные пальцы, коротко остриженные ногти, тонкий белый шрам возле большого пальца. Когда он учился, порезался об ампулу и пришёл ко мне за пластырем. Нам было по двадцать два. Он сказал, что станет отличным врачом, если перестанет травмировать себя раньше пациентов.

Тогда я рассмеялась и наклеила пластырь криво.

Сейчас на пальце обручальное кольцо. Своё он не снял.

— Почему ты продолжал ездить к Ване? — спрашиваю я.

Павел отвечает не сразу.

— Потому что хотел, чтобы ты была счастлива.

— После визитов ты ехал к любовнице?

— Не каждый раз.

— Спасибо за уточнение.

— Ты хочешь правду или повод меня укусить?

— Я хочу понять, как человек возит мальчика в парк, позволяет называть себя папой, а потом приходит в суд без документов.

— Я не позволял ему называть меня папой.

— Ты подписал фотографию: «Папа Паша».

— Потому что ты дала мне маркер и сказала подписать.

— Рука не поднялась написать «знакомый мамы Алины»?

Павел отходит к окну. На подоконнике стоит горшок с базиликом. Я посадила его в марте, Ваня должен был поливать по субботам. Листья поникли: утром я забыла налить воду.

Павел трогает землю пальцем.

— Я думал, у нас получится, — говорит он, не оборачиваясь. — Правда думал. Что появится ребёнок, мы перестанем ходить вокруг одной и той же боли и всё как-то вернётся.

— Пока ты спал с Кристиной.

— С ней всё было непонятно.

— Что именно? Её имя?

Он резко поворачивается.

— Не надо делать вид, что ты одна прожила тяжёлые годы. Я тоже хотел ребёнка. Я тоже сидел в этих чёртовых клиниках и слушал проценты. Только меня никто не спрашивал, что я чувствую. От меня требовалось оплачивать, возить и говорить, что всё будет хорошо.

Я молчу.

Это правда. Не вся, но правда. После первой неудачной попытки Павел три часа просидел в машине у дома и сказал, что звонил поставщику. Я поверила. После второй он предложил поехать к морю, а я швырнула в него распечаткой анализа и спросила, как он может думать об отпуске.

У нашей беды было два человека. Просто один из них нашёл женщину помоложе и сделал её беременной.

— Ты мог сказать, что тебе плохо, — произношу я.

— Кому? Тебе? Ты смотрела на меня и видела причину, почему у нас не получается.

— Я никогда так не говорила.

— Говорить необязательно.

— Зато изменять обязательно?

Павел прикрывает глаза.

— Нет. Я не оправдываюсь. Я объясняю.

— Объяснение — это когда после него становится понятнее. Пока я слышала, что ты пятнадцать месяцев боялся открыть рот и поэтому открывал чужую дверь.

Он берёт с подоконника засохший лист базилика и растирает между пальцами. По кухне расходится резкий запах.

— Кристина забеременела в феврале, — говорит он. — Сначала мы не знали, сохранится ли беременность. Были риски.

— Поэтому усыновление оставалось запасным вариантом?

— Не переворачивай.

— Как это называется правильно?

— Я не хотел снова потерять ребёнка.

— Какого из двух?

Он выбрасывает измятый лист в раковину.

— Я собирался всё остановить раньше. Потом был первый скрининг, повторный анализ, консультация. Кристина нервничала. Я не мог одновременно разбираться с вами обеими.

— И выбрал не разбираться со мной.

— Да.

Первое короткое честное слово за весь разговор.

Оно должно причинить боль. Вместо этого я замечаю, что кофе в моей чашке покрывается тонкой серой плёнкой.

— В суд её зачем привёз?

— Она настояла.

— На том, чтобы посмотреть?

— На том, чтобы я не передумал.

Я расстёгиваю пальто до конца. Теперь холодно, хотя в квартире всё так же жарко.

— Ты мог передумать?

Павел медлит.

— Я знал, что ты будешь давить на Ваню. Что начнёшь говорить, как он ждёт, какую комнату мы сделали. Я не хотел опять согласиться из жалости.

— Из жалости ко мне?

— Ко всем.

— Удобное чувство. Можно пожалеть троих и предать двоих.

Он отодвигает стул и садится.

— Что сказала опека после заседания?

Я вижу, как он старается произнести вопрос небрежно. Будто вспомнил о папке.

— У Вани нашёлся взрослый брат по отцу.

Павел поднимает брови.

— Брат?

— Глеб Арсеньев. Работает в санитарной авиации в Якутии. Прилетел вчера, подал на опеку.

— Он нормальный?

— Я ещё не успела запросить у него справку от психиатра.

— Я серьёзно.

— Я тоже. Не знаю я, нормальный ли он. Завтра они должны встретиться впервые.

— Ну вот.

Павел произносит это почти с облегчением.

Я медленно снимаю сумку с плеча.

— Что — вот?

— У ребёнка есть родственник. Взрослый мужчина. Возможно, это даже к лучшему.

— Для кого?

— Для Вани.

— Ты пять месяцев не называл его Ваней. Говорил «малой» или «ребёнок». Быстро выучил имя, когда перестал отвечать за него.

— Не придирайся. Родственник имеет преимущество, ты сама знаешь.

— Знаю.

— Значит, мальчик не останется один.

— Он и вчера не был один.

Павел смотрит на меня долго, потом встаёт и выливает обе чашки в раковину. Моя остаётся нетронутой. Молочная плёнка сползает по белому фарфору и исчезает в сливе.

— Нам всё равно нужно решить, что делать дальше, — говорит он. — И желательно без войны.

— Ты начал войну в суде.

— Я отказался от усыновления. Это не имеет отношения к разделу имущества.

— Конечно. Отказ от ребёнка — личное. Квартира — серьёзное.

Павел ставит чашки в посудомоечную машину. Не ополаскивает. Он никогда не ополаскивает, потом жалуется, что фильтр забит.

— Я хочу поступить по-человечески, — говорит он, выпрямляясь. — Поэтому давай не будем принимать решения в истерике.

— Я не в истерике.

— Тем более.

Телефон в кармане вибрирует. Я хватаю его так быстро, что Павел замечает.

Звонит служба доставки.

— Алина Сергеевна? — спрашивает мужской голос. — Подтвердите, пожалуйста, кровать «Скаут», белая, с бортиком и двумя ящиками. Доставка в четверг с десяти до четырнадцати.

Я смотрю на закрытую дверь детской.

— Подтверждаю.

— Этаж шестой, грузовой лифт есть?

— Лифт обычный. Кровать в разборе.

— Да, в трёх упаковках. Сборка нужна?

— Нужна.

Павел подходит ближе и протягивает руку к телефону.

Я отворачиваюсь.

— Тогда мастер будет в том же интервале. За час позвоним. Хорошего дня.

Связь обрывается.

— Отмени, — говорит Павел.

— Нет.

— Алина, Ваня сюда не переедет.

— Ты не знаешь.

— Зато ты знаешь? У него объявился брат, суд закрыли, ты замужем за человеком, который против усыновления.

— Последнее исправимо.

— Тогда закажешь кровать в другую квартиру.

Я смотрю на него.

Павел понимает, что сказал лишнее, но не отступает.

— Какую другую квартиру?

Он проводит большим пальцем по обручальному кольцу. Не снимает. Просто прокручивает на месте.

— Пойдём, покажу.

— Что?

— Комнату. Нам всё равно надо её обсудить.

Он первым идёт по коридору.

Будто я забыла, где она находится.

В детской пахнет краской и новым ковром.

Стену возле окна мы сделали голубой. Не нежно-голубой, как в каталоге для младенцев, а яркой, с серым оттенком. Ваня выбрал цвет сам. Приложил к стене три бумажных образца, нахмурился и сказал, что этот похож на небо перед снегом.

Павел тогда рассмеялся:

«Шесть лет человеку, а уже дизайнер».

Теперь он стоит посреди комнаты и оценивает стену так, словно видит впервые.

Кровать ещё не привезли. У дальней стены — низкий книжный шкаф, на полках сказки, атлас животных и энциклопедия самолётов. На подоконнике лежат ножницы и обрезки бумаги: вчера вечером я делала флажки для гирлянды и не успела закончить. На комоде стоит ночник в форме луны.

В верхнем ящике — носки, две футболки, пижама с ракетами и упаковка новых трусов. Всё с бирками. Я не знала точный день, когда Ваня окажется здесь, и покупала вещи по одной. Так ожидание казалось работой, а не ожиданием.

Павел берёт с полки атлас и листает.

— Кристина ждёт мальчика, — говорит он.

Я смотрю на его руки. Он держит книгу осторожно, не загибая корешок.

— Поздравляю. Ещё раз.

— Я хочу, чтобы мы с тобой договорились до его рождения.

— Поэтому уже распределил комнаты?

— Эта квартира удобнее всего. До клиники двенадцать минут, рядом хороший перинатальный центр. И здесь три комнаты.

— Я в курсе. Выбирала её вместе с тобой.

— Я не спорю.

— Очень великодушно.

Он кладёт атлас на место, но не туда: энциклопедия оказывается между сказками.

Я переставляю её обратно.

— Тебе одной столько места не нужно, — продолжает Павел. — А ребёнку нужна отдельная комната.

— Ване тоже.

— Не начинай.

— Это его цвет. Его книги. В ящике его одежда.

— Которую он ни разу не надевал.

Павел открывает верхний ящик. Смотрит на аккуратные стопки, потом задвигает.

— Всё можно передать в центр.

— А комнату?

— Переделывать почти ничего не придётся. Цвет нормальный. Кровать отменим, поставим детскую.

— Эта тоже детская.

— Ты понимаешь, о чём я.

— Нет. Скажи.

Он подходит к окну. Во дворе видна крыша его машины. На пассажирском стекле осталось светлое пятно — кто-то провёл ладонью по пыли.

— Здесь будет жить мой сын, — говорит Павел.

— Ваня должен был стать твоим сыном.

— Но не стал.

— Потому что ты отказался.

— Потому что у меня будет свой ребёнок. Родной. Настоящий, если тебе так понятнее.

В комнате становится очень тихо.

С улицы доносится короткий автомобильный сигнал. Наверху соседский ребёнок роняет что-то тяжёлое, и по потолку проходит глухой удар.

— Понятнее, — говорю я.

Павел оборачивается.

Он, кажется, сам слышит своё слово только сейчас.

— Я не имел в виду, что Ваня ненастоящий.

— Что ты имел в виду?

— Что это другое.

— Да. Ваню ты уже видел. Другого пока только на снимке.

— Хватит сравнивать детей.

— Я не сравниваю. Ты одного из них сегодня вычеркнул, чтобы второму досталась комната.

Павел сжимает челюсть.

— Ты нарочно всё доводишь до мерзости.

— Мне не приходится стараться.

Я подхожу к комоду и беру недоделанную гирлянду. Пять бумажных треугольников уже нанизаны на серую ленту. На каждом нарисована маленькая белая звезда. Ваня попросил звёзды, потому что самолёту ночью нужен ориентир.

Шестой треугольник лежит отдельно.

Я складываю гирлянду и убираю в нижний ящик.

— Кровать придет в четверг, — говорю я. — Пусть приезжает.

— И что ты с ней будешь делать?

— Соберу.

— Здесь?

— Здесь.

— Ты не останешься в этой квартире, Алина.

Теперь он говорит без раздражения. Спокойно, почти устало.

Вот она, фраза, которую он не договорил в суде.

Никто тебя сегодня не выгоняет.

Сегодня заканчивается быстро.

— Квартира куплена в браке, — напоминаю я.

— Я знаю.

— Тогда не понимаю, почему ты распоряжаешься ею один.

— Потому что я предлагаю нормальное соглашение. Без судов, оценщиков и грязи. Ты получишь отдельную квартиру и машину.

— Какую квартиру?

— Двухкомнатную. Район выберешь сама, в разумных пределах. Можно ближе к твоему центру. Оформим на тебя.

— А эта останется тебе.

— Нам.

Он произносит это машинально.

Не «мне и Кристине». Уже «нам».

— Что ещё останется вам?

Павел опускает руки в карманы.

— Моя доля в клинике. Гараж. Дачу продадим, деньги пополам.

— Твоя доля куплена на наши деньги.

— Клиника построена моей работой.

— А я восемь лет работала декоративной женой?

— Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду.

— Знаю. Когда речь о кровати, деньги наши. Когда о клинике — твои.

— Я не собираюсь оставлять тебя ни с чем.

— Спасибо. А то я испугалась, что после пятнадцати лет брака уйду только в пальто.

Павел выходит из детской и через минуту возвращается с тонкой синей папкой. Я узнаю её: такие выдают клиентам в юридической фирме Кирилла, его институтского друга.

Папка новая. На сгибе нет заломов.

— Когда ты успел? — спрашиваю я.

— Это пока проект.

— Когда?

— На прошлой неделе.

Прошлую неделю мы провели как обычно. В понедельник Павел попросил забрать его рубашки из химчистки. В среду мы выбирали, куда поставить письменный стол Вани. В пятницу смотрели фильм, и он уснул, положив ноги мне на колени.

Между этими делами его юрист составлял проект раздела нашей жизни.

Я открываю папку.

На первой странице написано «Соглашение о разделе общего имущества супругов Беловых». Ниже наши паспортные данные. Мой старый адрес, который Павел постоянно забывал, здесь указан без ошибки.

— Кирилл готовит такие документы? — спрашиваю я.

— Его сотрудник.

— Он знает про Кристину?

— Это не относится к делу.

— Конечно. К делу относится моя подпись.

Я листаю. Квартира на Лесной переходит Павлу. Автомобиль — мне. Взамен Павел обязуется приобрести жилое помещение не меньше пятидесяти квадратных метров в течение шести месяцев после расторжения брака. Адреса нет. Цены нет. Внизу каждой страницы оставлено место для инициалов.

— Через шесть месяцев, — говорю я. — А до этого мне где жить?

— Можно снять квартиру. Я оплачу.

— Сколько месяцев?

— Сколько понадобится.

— В договоре этого нет.

— Добавим.

— Как и адрес, цену, состояние дома, район?

Павел забирает папку, но я удерживаю край.

— Не надо разбирать сейчас каждую запятую.

— Ты для этого принёс документ.

— Я хотел показать, что не выгоняю тебя на улицу.

— Нет. Ты хотел, чтобы я ушла с улицы Лесной.

Он отпускает папку.

— Если подадим совместное заявление завтра, через месяц нас разведут. Без детей это обычная процедура. Ты сможешь снова заниматься усыновлением, если этот брат не подойдёт органам опеки.

Я смотрю на него поверх страниц.

— Ты предлагаешь обменять скорость развода на квартиру?

— Я предлагаю не тянуть. Тебе самой это выгодно.

— Ване выгодно, хочешь сказать.

— Если он тебе действительно так нужен.

Пальцы сами сминают угол листа.

Павел замечает и пытается расправить, но я отступаю.

— Не трогай.

— Это всего лишь проект.

— Тогда распечатай ещё один.

Я закрываю папку и кладу её на комод поверх ночника. Луна закрывается синим картоном, из-за края торчит только белый кончик.

— Подписывать будешь? — спрашивает Павел.

— Нет.

— Даже не прочитала.

— Прочитает мой юрист.

— Твой юрист будет полгода гонять нас по судам и возьмёт деньги за каждое заседание.

— Твой уже взял деньги за бумагу, о которой я не знала.

— Кирилл пытался сделать честно.

— Кирилл не женат на мне. Ему проще.

Павел подходит ближе.

— Алина, послушай. Я понимаю, как всё выглядит. Но мы можем сейчас уничтожить друг друга или разойтись нормально. У нас нет общих детей. Нам нечего делить, кроме имущества.

Я смотрю на нижний ящик комода, куда только что убрала гирлянду.

— Сегодня утром у нас был общий ребёнок.

— Не было.

— Был. Не по документам. Поэтому ты и смог так легко от него отказаться.

— Хватит.

— Ты прав. Хватит.

Я выхожу из комнаты.

Чемодан хранится на верхней полке шкафа.

Павел достаёт его без просьбы и ставит на кровать.

— Куда ты поедешь?

— В гостиницу.

— Не глупи. Остайся сегодня. Я могу уехать.

— К Кристине домой?

— Куда угодно.

Я открываю чемодан. Внутри лежит маленькая дорожная сумка, два чехла для обуви и бирка из нашего последнего отпуска. Анталья, май прошлого года. Пятнадцать месяцев назад.

Кристина уже была.

Я отрываю бирку. Клей держится плохо, бумага остаётся в пальцах.

— Ты тогда уходил звонить ей? — спрашиваю я.

Павел стоит у шкафа, прислонившись плечом к дверце.

— Когда?

— В Турции. После ужина. Ты каждый вечер ходил к бассейну, потому что в номере плохо ловило.

— Иногда ей. Иногда по работе.

— Очень насыщенный отпуск.

Я кладу в чемодан бельё, носки, джинсы. Вытаскиваю два свитера, один возвращаю. Беру косметичку из ванной. Зубная щётка Павла стоит в стакане рядом с моей. Синяя и жёлтая. Я забираю жёлтую, стакан освобождается наполовину.

— Я не хотел испортить тебе поездку, — говорит он из спальни.

— Ты её не испортил. Я прекрасно отдохнула. Теперь даже знаю почему: ты почти не разговаривал со мной.

— Мы оба делали вид, что всё нормально.

Я возвращаюсь в спальню с косметичкой.

— Я не делала вид. Для меня всё было нормально.

— Не могло быть.

— Почему?

— Потому что близости между нами не было уже давно.

— В четверг была.

Павел молчит.

Четверг — три дня назад. Он вернулся поздно, принёс суши, мы выпили вина. Никакой особенной нежности. Никаких признаний. Просто муж и жена легли в свою кровать.

Кристина была на двадцать второй неделе.

— Это ничего не меняет, — наконец говорит он.

— Для тебя, видимо, нет.

— Я не собирался...

Он замолкает.

— Что? Изменять ей со мной?

— Не говори ерунду.

— Ей рассказал?

— Это наши с тобой отношения.

— Удобно. Когда ты обсуждаешь со мной её беременность — мы взрослые люди. Когда я спрашиваю про наш секс — это личное.

Павел отходит от шкафа.

— Я уйду. Собирайся спокойно.

— Нет. Останься.

Он останавливается у двери.

— Зачем?

— Я пятнадцать месяцев жила в комнате, где половины разговора не слышала. Теперь дослушаю.

Павел садится на край кресла. Не на кровать.

Я складываю блузки. Одну из них гладила вчера для сегодняшнего суда, но выбрала другую. Молочная всё ещё на мне, рукав помят у локтя.

— Когда ты решил, что будешь жить здесь с ней?

— После второго скрининга.

— То есть две недели назад?

— Примерно.

— Кристина уже выбирала коляску, пока мы красили стену?

— Алина...

— Да или нет?

— Да.

Я кладу блузку в чемодан, разглаживаю воротник.

— Она знает, что в четверг ты спал со мной?

— Нет.

— Расскажешь?

— Это не твоё дело.

— Было моё тело. Значит, немного моё.

Павел встаёт.

— Ты хочешь сделать ей больно, потому что больно тебе.

— Я хочу проверить, кому из нас ты врёшь по любви, а кому по привычке.

— Я люблю её.

Он произносит это быстро. Возможно, хотел закончить спор. Возможно, давно готовил фразу и наконец нашёл место.

Я перестаю складывать вещи.

На прикроватной тумбе лежит его книга. Закладкой служит чек из магазина, где мы покупали краску для детской. Ножки кресла оставили на ковре две вмятины. За окном проезжает мусоровоз.

Всё остаётся на месте.

— Хорошо, — говорю я.

Павел ждёт другого ответа.

— Что хорошо?

— Что хотя бы не из жалости.

Я беру с тумбы зарядку. Провод цепляется за ручку ящика, приходится нагнуться и освободить.

— Я любил и тебя, — говорит он.

— Не клади меня рядом с ней, как две справки в одну папку.

— Пятнадцать лет нельзя отменить.

— Ты сегодня неплохо начал.

Чемодан заполняется только наполовину. Я добавляю домашние брюки, лекарства, рабочий халат. Завтра у меня четыре занятия: два ребёнка после кохлеарной имплантации, девочка с моторной алалией и новый мальчик, который кусает логопеда за пальцы. Отменять нельзя. Дети не виноваты, что сегодня мой муж выбрал настоящего сына.

Я достаю из ящика документы. Паспорт, диплом, свидетельство о браке, медицинские выписки. Папка с результатами ЭКО толстая. Несколько секунд держу её, потом кладу обратно.

Для развода она не нужна.

Свидетельство о браке помещается в боковой карман чемодана. Туда же я кладу обручальное кольцо. Оно ударяется о бегунок молнии.

Павел следит за моими руками.

— Можешь не устраивать ритуал.

— Я убираю вещь, чтобы не потерять. Она куплена в браке.

Он почти улыбается. Угол рта дёргается и сразу опускается.

— Ты всегда умела сказать так, что не поймёшь, смеяться или уходить.

— Сегодня можешь совместить.

Я закрываю чемодан. Молния застревает возле угла, хотя вещей мало. Павел тянется помочь. Я прижимаю ладонь к крышке и справляюсь сама.

Телефон вибрирует на кровати.

Сообщение от Ольги Николаевны.

«Алина Сергеевна, завтра в 10:00 состоится первая встреча Ивана Соколова с Глебом Арсеньевым. Психолог считает, что присутствие потенциальных усыновителей на первом этапе нежелательно. Я свяжусь с вами после встречи».

Потенциальных усыновителей.

Множественное число осталось в шаблоне или в привычке.

Я набираю: «Я могу хотя бы приехать и подождать внизу?»

Стираю.

Пишу: «Пожалуйста, скажите Ване, что я не пропала».

Ответ приходит почти сразу:

«Светлана Андреевна скажет, что вы заболели и позвоните, как только сможете. Сейчас так будет безопаснее для него».

Я убираю телефон.

— Что там? — спрашивает Павел.

— Завтра Ваня встречается с братом. Без меня.

— Может, не надо туда лезть хотя бы сейчас?

Я поднимаю ручку чемодана.

— Ты уже не лезешь. За двоих достаточно.

Колёса стучат о порог спальни. В коридоре я забираю сумку и папку из суда. Синяя папка с проектом соглашения остаётся на комод в детской.

— Проект возьми, — говорит Павел. — Пусть твой юрист посмотрит.

— Пришлешь человеку, которого я найму.

— Так мы только потеряем время.

— Ты потерял пятнадцать месяцев. Я могу позволить себе два дня.

Он идёт за мной до двери.

— Ключи оставишь?

Я поворачиваюсь.

— Нет.

— Если мы договоримся, всё равно придётся.

— Когда договоримся, тогда и придётся.

Павел опирается ладонью о дверной косяк. На пальце по-прежнему кольцо.

— Кристина сегодня сюда не приедет, если ты из-за этого уходишь.

— А завтра?

Он не отвечает.

— Вот и я не из-за сегодня.

Я открываю дверь.

— Алина.

Оглядываюсь.

— Я правда не хотел, чтобы всё произошло так.

— Ты пятнадцать месяцев следил, чтобы оно происходило именно так. Тихо, удобно и без моего участия.

Лифт приезжает быстро. Я вкатываю чемодан, ставлю рядом папку. Павел остаётся в дверях квартиры. Между нами весь коридор и шесть пар соседских дверей.

— Ты вернёшься, когда успокоишься, — говорит он.

— Я вернусь за вещами. С юристом.

Двери закрываются.

В зеркале лифта я вижу женщину в расстёгнутом пальто, с помятой блузкой и красной полосой возле ключицы. В одной руке она держит ручку чемодана, в другой — папку с двумя фамилиями.

На первом этаже я выбрасываю папку в мусорный контейнер возле лифта.

Через секунду достаю обратно.

Внутри — мои справки, мои характеристики и заключение о том, что я могу быть матерью.

Павел отказался от своей половины.

Я — нет.

Глава 3. Старший брат (Глеб)

На фотографии в личном деле Ивану Соколову пять лет.

Он сидит на краю красной скамейки и держит перед собой табличку с номером. Так фотографируют не детей, а вещи перед отправкой: вид спереди, название, инвентарный знак.

Я получил снимок четыре дня назад вместе с копией свидетельства о рождении.

В графе «отец» указано: Соколов Виктор Павлович.

То же имя стоит в моём свидетельстве. Только фамилия у меня материнская, а между двумя документами тридцать два года.

О существовании младшего брата я узнаю на высоте тысяча двести метров, когда диспетчер передаёт, что мне третий раз звонят из органов опеки. Мы везём женщину с внутренним кровотечением из посёлка, связь рвётся, и до посадки я успеваю расслышать только три слова: отец, ребёнок, родственник.

Я решаю, что ошиблись номером.

Ошиблись не номером. Ошибся отец, когда тридцать два года считал, что дети из разных семей никогда не окажутся в одном документе.

Сейчас без двадцати десять. Встреча назначена на десять.

Я стою перед двухэтажным зданием центра помощи детям и смотрю на жёлтого медведя, нарисованного на воротах. У медведя одна лапа длиннее другой. В ней красный воздушный шар, похожий на перевернутую грушу.

За воротами пустая площадка. Качели мокрые после ночного дождя. Возле крыльца женщина в синем халате вытряхивает половик и время от времени поглядывает на меня.

Я приехал слишком рано.

На санитарных рейсах раннее прибытие не считается недостатком. В обычной жизни оно заставляет десять минут стоять под кривым медведем и думать, зачем шестилетнему мальчику брат, которому тридцать восемь.

Телефон вибрирует в кармане.

«Арсеньев, борт на завтра пока снимают. Держи связь».

Начальник лётного отряда.

Я отвечаю: «Принял».

Другого ответа у меня пока нет ни для кого.

В проходной просят паспорт, сверяют фамилию со списком и выдают бумажный прямоугольник на пластиковой прищепке. От руки написано: «Г. В. Арсеньев. Родственник».

Прикрепляю его к свитеру.

— Ближе к краю, — советует охранник. — А то не видно.

Я передвигаю карточку. Теперь слово «родственник» лежит на груди ровно.

Внутри пахнет варёным молоком и хлоркой. На стенах детские рисунки, под ними таблички с именами и возрастом. Коля, восемь лет. Полина, четыре года. Маша, семь лет. Солнце у всех жёлтое, дома квадратные, люди держатся за руки.

У Вани в анкете нет рисунка.

На первом этаже два выхода. Один заперт на электронный замок, второй ведёт во двор. Огнетушитель висит у лестницы, пломба целая. Я замечаю это раньше, чем номер кабинета.

Привычка.

Если каждый день возишь людей оттуда, где что-то уже случилось, начинаешь заранее искать дверь.

— Глеб Викторович?

По коридору ко мне идёт Ольга Николаевна. Мы вчера разговаривали только по телефону. Невысокая, короткие седые волосы, тёмное платье, на сгибе локтя папка.

Она протягивает руку.

— Доброе утро. Давно ждёте?

— Десять минут.

— Встреча всё равно в десять. Сначала побеседуем.

— Я позтому раньше.

Ольга Николаевна смотрит на карточку у меня на груди, поправляет прищепку и ведёт в кабинет возле лестницы.

В кабинете три стула, стол, шкаф с одинаковыми серыми папками и окно, заклеенное по краям бумажной лентой. На подоконнике стоит кружка с засохшим чайным пакетиком. Я сажусь лицом к двери.

Ольга Николаевна занимает место напротив и открывает мою папку.

— Паспорт принесли?

— Да.

— Справку с работы?

Я выкладываю документы в том порядке, в котором собирал ночью: паспорт, справка, копия трудовой, выписка по жилью, медицинское заключение. Вчера в гостинице принтер зажевал последний лист, и в углу осталась серая полоса.

Ольга Николаевна просматривает каждую страницу.

— Командир воздушного судна, — читает она. — Санитарная авиация.

— И поисково-спасательные вылеты.

— График?

— Дежурства. Бывает неделя спокойно, бывает трое суток без нормального сна.

— С ребёнком так не получится.

— Понимаю.

— Что вы собираетесь менять?

— У меня тридцать четыре дня отпуска. Дежурства на ближайшие две недели уже отдал напарнику. Вчера подал рапорт о временном переводе на городскую базу.

— На какую городскую базу?

— Здесь есть санитарное звено при областной больнице. У них не хватает второго пилота.

Пока речь о трёх месяцах.

— А потом?

— Потом будет зависеть не только от меня.

— От кого?

— От Ивана. От решения опеки. От работодателя. Я могу строить планы на год, но сейчас вы ещё не разрешили мне войти в игровую.

Ольга Николаевна отмечает что-то в анкете.

— Собственное жильё?

— Двухкомнатная квартира в Якутске. Сейчас сам живу в гостинице, потому что не знаю, на сколько приехал.

— В браке состояли?

— Нет.

— Другие дети?

— Нет.

— Кто сможет оставаться с Иваном во время ваших дежурств?

— Пока выясняю. Моя мать живёт отдельно и не обязана внезапно становиться няней, потому что мне тридцать восемь. Нанять человека могу. Но сначала хочу понять, что требуется ребёнку, кроме взрослого в квартире.

Она поднимает глаза.

— Заявление об опеке вы подали сразу.

— Вы сообщили, что брат находится в центре и его собираются усыновить. Нужно было сначала слетать обратно и подумать месяц?

— Нужно понимать, что родство не отменяет подготовки. Ивану шесть лет. У него уже есть привязанности, режим, специалисты. Вы живёте в другом регионе, часто отсутствуете. С детьми раньше жили?

— Нет.

— Племянники?

— Нет.

— Опыт длительного общения с ребёнком?

— На работе дети бывают.

— Они у вас находятся несколько часов и в сопровождении медиков.

— Обычно меньше.

Ольга Николаевна закрывает мою трудовую.

— Я не пытаюсь вас отговорить.

— Пока похоже.

— Я пытаюсь не допустить, чтобы через месяц Иван снова оказался здесь.

Ответить нечего.

Я убираю руки под стол. На правой ладони свежая царапина: вчера зацепился за молнию дорожной сумки. Дома я собирался две недели, уложился в сорок минут. Взял три рубашки, документы, рабочий ноутбук и почему-то фонарь. Носки забыл.

Утром купил в магазине две пары. Рядом с кассой продавались игрушки, и я двадцать минут выбирал между пожарной машиной и вертолётom.

Вертолёт сейчас лежит в пакете у моих ног. Пластиковый, с красным крестом на боку и четырьмя лопастями вместо пяти. На коробке написано «Спасатель неба».

Плохая модель и ещё худшая попытка понравиться.

— Вы знали о ребёнке до нашего звонка? — спрашивает Ольга Николаевна.

— Нет.

— С отцом общались?

— Последний раз — лет двадцать назад.

— Почему?

— Это имеет отношение к опеке?

— Может иметь.

На двери висит лист с напечатанными правилами. Не повышать голос. Не обсуждать при ребёнке обстоятельства его семьи. Не давать обещаний о сроках устройства. Под последним пунктом поставлены два восклицательных знака ручкой.

— Виктор Соколов ушёл от моей матери, когда мне было шесть, — говорю я. — Потом появлялся, когда считал нужным. В двенадцать привёз коньки на три размера больше. В шестнадцать попросил сказать матери, что алименты задержатся. После восемнадцати мы не виделись.

— Он пытался связаться?

— Возможно.

— Это не ответ.

— Я менял номера. Он тоже. Никто никого особенно не искал.

Ольга Николаевна делает пометку.

— О его смерти знали?

— Из документов, которые вы прислали.

Ручка останавливается.

— Понимаю.

Я не люблю это слово. Обычно его говорят люди, которые не понимают и хотят перейти к следующему вопросу.

— Мать Ивана умерла восемь месяцев назад, — продолжает она. — Отец умер раньше. Мальчик поступил в центр. Сведения о вас обнаружили не сразу из-за разных фамилий и старых записей. Это недоработка, сейчас проводится проверка.

— Проверка вернёт восемь месяцев?

— Нет.

Она отвечает спокойно.

Это мне нравится больше, чем «понимаю».

— Вчера вы сказали, что его должны были усыновить, — напоминаю я.

— Должно было состояться судебное заседание по заявлению супругов Беловых. Муж от заявления отказался.

— В день заседания?

— Да.

— Удобно.

Ольга Николаевна снимает очки и протирает их краем салфетки.

— Я не уполномочена обсуждать их семейную ситуацию.

— Мне нужно знать ситуацию ребёнка.

— Согласна. Поэтому сообщаю необходимое. Супруги посещали Ивана пять месяцев. Первые встречи приходили вместе, потом в основном Алина Сергеевна. Она прошла подготовку, собрала документы, оборудовала комнату.

— И где она сегодня?

— Психолог не рекомендовал её присутствие на первой встрече с вами.

— Почему?

— Чтобы не усиливать конкуренцию привязанностей.

— У шестилетнего ребёнка уже есть конкуренция?

— У него есть страх, что его опять оставят.

Она надевает очки.

— Вы для него родственник по документам. Алина Сергеевна — человек, которого он видел дважды в неделю почти пять месяцев. Её муж тоже приезжал, но реже. Вчера всё изменилось. Ивану нельзя сообщать подробности без подготовки.

— Ему сказали, почему она не пришла?

— Что заболела.

— Она заболела?

Ольга Николаевна смотрит на меня поверх оправы.

— Нет.

— Тогда зачем врать?

— Потому что фраза «мужчина, которого ты называл будущим папой, отказался от тебя в суде» не подходит для разговора перед сном.

Я беру со стола паспорт и перелистываю до страницы с пропиской, хотя видел её сотни раз.

— Можно было сказать, что взрослые решают документы.

— Именно так ему говорили пять месяцев. Сегодня нужен был ответ на вопрос, почему Алина Сергеевна не приехала.

— Она сама согласилась не приезжать?

— Нет.

— Звонила?

— Просила передать, что не пропала.

Я кладу паспорт обратно.

— И вы передали?

— Светлана Андреевна передаст, когда сочтёт возможным.

В коридоре кто-то бежит. Мимо двери проносится мальчик в зелёной кофте, за ним женщина с расчёской. Слышно:

— Руслан, у тебя утренник через пять минут!

— Я буду лохматый пират!

Шаги удаляются.

Ольга Николаевна собирает документы в стопку.

— Вопросы ко мне есть?

— Сколько раз она приезжала?

— Кто?

— Алина Белова.

Она листает папку Ивана, находит таблицу.

— Тридцать восемь зарегистрированных посещений. Кроме того, выезды в парк, к врачу и в магазин. Часть совместно с супругом.

— А супруг?

— Семь посещений с отметкой. Возможно, на некоторых не расписывался.

— Тридцать восемь против семи, и вы называете их супругами Беловыми.

— В суд они подали совместное заявление.

— Бумаги у вас важнее людей.

— Нет, Глеб Викторович. Если бы бумаги были важнее, вчера Иван уехал бы к людям, один из которых ему не нужен.

Я смотрю на неё.

Ольга Николаевна выдерживает взгляд.

— Вы тоже пока только фамилия в свидетельстве о рождении, — добавляет она. — Не забываете.

Снизу доносится звонок. Длинный, как в школе.

Часы на стене показывают без пяти десять.

— Пойдёмте, — говорит Ольга Николаевна. — Светлана Андреевна вас ждёт.

Я поднимаю пакет с вертолётom.

— Подарок можно?

Она заглядывает внутрь.

— Можно. Только не связывайте его с обещанием забрать ребёнка.

— Я ничего не обещаю до того, как понимаю, смогу ли выполнить.

— Хорошая привычка.

— Для пилота обычная.

Мы выходим в коридор.

Ваню я сначала вижу через стекло.

Он сидит на полу в игровой комнате и строит из деревянных брусков две длинные полосы. Между ними раскладывает плоские чёрные детали. На нём серые спортивные штаны и оранжевая толстовка. Волосы на макушке торчат, будто их пригладили мокрой ладонью и не дождались результата.

На фотографии он был меньше.

И с передним зубом.

Сейчас на его месте тёмная щель. Когда Ваня что-то говорит девочке рядом, он прикрывает рот ладонью, а потом забывает и улыбается открыто.

Я ищу сходство.

Вместо этого замечаю, что левый шнурок развязан.

— Что он строит? — спрашиваю я.

Светлана Андреевна стоит рядом. Ей около пятидесяти, светлые волосы собраны в короткий хвост, на шее висит шнурок с ключами.

— Взлётную полосу. Уже третий день.

— Почему две?

— Одна для больших самолётов, другая для маленьких. Вы ведь лётчик?

— Пилот вертолёта.

— Для него пока всё, что летает, — самолёт.

— Значит, разберёмся.

Она смотрит на пакет в моей руке.

— Ольга Николаевна рассказала про Алину Сергеевну?

— Что именно?

— Что Ваня её ждёт.

— Рассказала.

— Он вчера не спрашивал про суд. Утром проснулся и первым делом спросил, во сколько она приедет. Обычно по средам у них занятие, потом они гуляют.

— Какое занятие?

— Алина Сергеевна логопед-дефектолог. Занималась с ним сама. Официально специалист у нас есть, но с ней Ваня работал лучше.

За стеклом мальчик выстраивает последний брусок, встаёт и отходит на два шага. Девочка тянется к чёрной детали. Он быстро возвращает её на место, но не отталкивает девочку. Просто ставит рядом красный кубик.

Та берёт замену.

— Что ему сказали обо мне? — спрашиваю я.

— Что нашли старшего брата и вы хотите познакомиться.

— Он понял?

— Сейчас увидим.

— А про опеку?

— Нет. Сегодня никто куда его не забирает.

— Я знаю.

— Хорошо, что знаете. Некоторые родственники входят с фразой «собирайся, поехали домой», а через неделю выясняют, что для опеки нужны документы, обследование и место, куда ребёнка везти.

— У меня есть место.

— У вас есть квартира в другом регионе и дежурства. Это не совсем одно и то же.

Они с Ольгой Николаевной явно работали вместе достаточно долго, чтобы пользоваться одним текстом.

— Вы тоже будете отговаривать?

— Нет. Я буду смотреть на Ваню.

Светлана Андреевна открывает дверь.

В игровой сразу становится громче. Пластиковые колёса стучат по полу, кто-то спорит из-за синего карандаша, из колонки возле окна играет песня про осень.

Ваня поднимает голову.

Смотрит сначала на Светлану Андреевну, потом на меня, потом на пакет.

Не встаёт.

— Вань, помнишь, мы говорили про гостя? — спрашивает воспитательница.

Он кивает.

— Это Глеб Викторович.

— Здравствуйте, — говорит Ваня.

— Привет.

Я стою над ним и понимаю, что ошибся с самого начала. Нельзя знакомиться с ребёнком с высоты метр восемьдесят семь.

Присаживаюсь на корточки. Колено хрустит громче, чем хотелось бы.

Ваня смотрит на него.

— Болят?

— Иногда.

— Вы старый?

— Для некоторых самолётов — нет.

Он обдумывает.

— А для людей?

— Тридцать восемь.

— Старый.

— Значит, старый.

Уголок его рта поднимается. Переднего зуба нет, соседний чуть повёрнут. На фотографии Виктора Соколова из моего детства такая же щель была между резцами.

Светлана Андреевна садится на низкий стул.

— Глеб Викторович твой старший брат.

Улыбка исчезает.

Ваня переводит взгляд на меня.

— Нет.

— Почему? — спрашиваю я.

— Братья дети.

— Иногда один успевает вырасти раньше второго.

— Тогда вы дядька.

— Можно и так.

Светлана Андреевна вмешивается:

— У вас с Глебом Викторовичем один папа.

Ваня дёргает носком развязанный шнурок.

— Паша?

— Нет, — говорит она осторожно. — Твой родной папа Виктор.

— Он умер.

— Да.

— А Паша живой.

— Живой.

— Значит, папа Паша.

Светлана Андреевна поправляет ключи на шее. Ольга Николаевна остаётся у двери и делает вид, что читает лист с расписанием.

Я ставлю пакет на пол.

— Покажешь полосу? — спрашиваю я.

Ваня смотрит на постройку.

— Это аэродром.

— Вижу.

— Не видите. Вы на чёрное наступили.

Я убираю ботинок. Под носком действительно лежит плоская деталь.

— Виноват.

— Это фонарь. Ночью чтоб лететь.

— Тогда лучше вернуть.

Поднимаю деталь и кладу туда, куда он показывает. Ваня поправляет на два сантиметра.

— Вы летаете? — спрашивает он.

— Да.

— На самолёте?

— На вертолёте.

Он пожимает плечами. Для человека, который строит аэродром третий день, разница его не впечатляет.

Я достаю коробку.

— Это тебе.

Ваня не берёт.

— За что?

— Ни за что. Увидел и купил.

— Алина Сергеевна говорит, чужим нельзя брать подарки.

— Я вроде бы брат.

— Вы дядька.

— Тогда правильно. Спроси Светлану Андреевну.

Он смотрит на воспитательницу.

— Можно, — разрешает она.

Ваня принимает коробку обеими руками, читает по слогам надпись.

— Спа-са-тель не-ба. А почему крест?

— Он возит врачей и больных.

— Вы такой водите?

— Похожий. Только у настоящего пять лопастей.

— Тут четыре.

— Производитель сэкономил.

Ваня проводит пальцем по прозрачному пластику.

— Папа Паша обещал самолёт.

Я смотрю на Светлану Андреевну.

Она едва заметно качает головой.

— Хороший подарок? — спрашивает она.

— Нормальный.

Ваня ставит коробку рядом с аэродромом, не открывая.

— А Алина Сергеевна когда придёт?

— Она заболела, — отвечает воспитательница.

— Я знаю. Когда выздоровеет?

— Скоро.

— Сегодня?

— Не сегодня.

— Завтра?

— Ванечка, мы же договорились: как только сможет, она позвонит.

Он опускает голову. Шнурок тянется по полу.

— У неё голос не болеет.

Никто не отвечает.

Я беру конец шнурка.

— Завязать?

Ваня отдёргивает ногу.

— Я сам.

Он наклоняется, перекрещивает концы, путается и затягивает узел так, что петли не получается.

Светлана Андреевна тянется помочь.

— Не надо! — Ваня садится на пятку, закрывая ботинок. — Алина меня учит.

— Хорошо, сам так сам.

Воспитательница убирает руки.

Он ковыряет узел ногтем. Щёки начинают краснеть.

Я знаю несколько способов распутать трос после обледенения. С детским шнурком они не работают.

— Покажешь, как она учит? — спрашиваю я.

— Сначала домик, потом уши, потом они обнимаются.

— Понял.

Не понял.

Ваня делает петлю. Вторая получается меньше первой, но узел держится.

— Вот.

— Хорошо.

— Неправильно, — говорит он и быстро развязывает всё обратно.

Песня из колонки заканчивается. Девочка с красным кубиком убегает к столу, дети собираются вокруг женщины с альбомом. Возле аэродрома остаёмся мы четверо.

— Ты знаешь, где Якутия? — спрашиваю я.

Ваня качает головой.

— Далеко. Там зимой очень холодно.

— Холоднее, чем здесь?

— Намного.

— Сколько снега?

Я показываю ладонью примерно до пояса.

— Иногда так. Иногда выше.

— А летом?

— Комары.

— Тоже до пояса?

— Кажется, что да.

Он снова улыбается. На этот раз дольше.

— А медведи есть?

— Есть.

— Жёлтые?

— Обычно бурые.

— У нас на воротах жёлтый. Он не настоящий.

— Я заметил.

Ваня придвигается к аэродрому и освобождает место возле себя. Я сажусь на пол. Колени оказываются почти у подбородка.

— Вертолёту полоса не нужна, — говорю я.

— Всем нужна.

— Он может сесть на площадку.

— Тут площадки нет.

— Построим?

Ваня задумывается, потом даёт мне три жёлтых бруска.

Мы выкладываем квадрат. Он дважды передвигает мои детали и один раз оставляет как есть.

С детьми я обычно разговариваю в салоне вертолѐта. Там не требуется понравиться. Нужно показать наушники, пакет и ремень, сказать, сколько лететь, и не обещать, что больно не будет.

В игровой ничего не болит. От этого сложнее.

— Вы меня заберѐте? — спрашивает Ваня, не глядя.

Жѐлтый брусок остаѐтся у меня в руке.

Ольга Николаевна делает шаг от двери.

— Сегодня — нет, — отвечаю я.

— А когда?

— Не знаю.

— Почему?

— Нужно собрать документы. Узнать друг друга. Решить, где мы будем жить и кто будет с тобой, когда я работаю.

— Алина знает.

— Что знает?

— Где мы будем жить.

Он ставит на площадку последний брусок.

— У меня комната голубая. Как небо перед снегом. Кровать белая, с ящиками. И луна светится.

Каждая деталь произносится уверенно. Будто комната уже существует вокруг него, а эта игровая — временная остановка.

— Ты её видел?

— На видео. Алина снимала. Там ещё книг много и флажки будут.

— Понятно.

— Вам непонятно. Вы не видели.

— Не видел.

— Тогда не говорите.

Я кладу брусок.

— Хорошо.

Ваня открывает коробку с вертолѐтом. Пластик держится на двух проволочках. Он тянет, коробка мнѐтся.

Я достаю складной нож.

Светлана Андреевна сразу выпрямляется.

— Уберу, — говорю я.

Перерезаю проволоку и закрываю нож. Ваня следит за движением.

— Настоящий?

— Нож? Да.

— А вертолѐт?

— Нет.

— Я знаю.

Он ставит игрушку на площадку, крутит лопасти. Они цепляют хвост и останавливаются.

— Плохой.

— Плохой.

— Зачем купили?

— Других не было.

— Можно было не покупать.

— Можно.

Ваня поднимает вертолѐт и рассматривает снизу.

— А у вашего дверь открывается?

- Да.
- И врачи там?
- Иногда врачи, иногда спасатели. Иногда и те и другие.
- Вы людей спасаете?
- Я их вожу. Спасают все вместе.
- А детей?
- Детей тоже.

Он ставит вертолёт обратно.

- Алину спасёте?

Вопрос произнесён тихо. Я не сразу понимаю.

- От чего?
- Она заболела.

Светлана Андреевна закрывает глаза на секунду.

- Я не врач, Вань.
- Вы сказали, все вместе.
- Сказал.
- Тогда привезите врача.
- Я не знаю, где она.

Он перестаёт крутить лопасти.

- Вы её не знаете?
- Нет.
- Совсем?
- Совсем.
- А меня?
- Тоже пока не знаю.
- Тогда зачем пришли?

Ольга Николаевна делает ещё один шаг, но я поднимаю ладонь. Не уверен, что имею право её останавливать. Она всё же остаётся у двери.

— Потому что узнал, что ты есть, — отвечаю я. — И решил сначала увидеть тебя, а потом решать остальное.

- А если я плохой?
- Тогда узнаю, какой именно.
- Я не плохой.
- Хорошо.
- Это Матвей сказал. Потому что я его укусил.
- За что?
- Он сломал самолёт.
- Сильно укусил?
- До крови.
- Значит, кусаться умеешь.
- Ага.

Он улыбается с некоторой гордостью.

Светлана Андреевна кашляет.

- Мы с этим работаем, — говорит она.
- Вижу.
- Алина не разрешает кусаться, — сообщает Ваня. — Она говорит словами.
- Что говорит?
- «Я очень злюсь, потому что ты сломал мой самолёт». Только это долго. Пока скажешь,

уже не хочется кусать.

- Наверное, для этого и придумано.
- Он проверяет, крутятся ли колёса у игрушки.
- Вы тоже говорить будете?
- Постараюсь.
- А потом улетите?
- Не сегодня.
- А завтра?
- Пока не знаю.
- Все не знают.

Ваня толкает вертолёт. Игрушка проезжает по площадке и сносит край взлётной полосы. Он резко хватается её, ставит обратно, потом начинает восстанавливать чёрные фонари.

— Ванечка, — тихо говорит Светлана Андреевна, — Глеб Викторович поживёт пока в городе. Вы ещё сможете увидеться.

- Мне не надо.
- Сегодня вы только знакомитесь.
- Уже познакомились.
- Мы можем немного погулять во дворе, — предлагает она. — Покажешь площадку?
- Нет.

Он вжимает чёрную деталь между брусками. Та не помещается. Ваня давит сильнее, полоса разъезжается.

Я тянусь поправить.

— Не трогайте!

Крик выходит громче, чем он ожидает. Дети у стола оборачиваются.

Я убираю руку.

— Не трогаю.

Ваня смотрит на меня снизу вверх. Глаза мокрые, но он не плачет.

— Где Алина?

— Я не знаю.

— Позвоните ей.

— У меня нет её номера.

— У Ольги есть.

Ольга Николаевна подходит ближе и садится на второй детский стул.

— Ваня, Алина Сергеевна попросила сказать, что она не пропала.

Он поворачивается к ней всем телом.

— А заболела?

— Сейчас у неё взрослые дела. Она позвонит, когда сможет.

— Вы наврали?

Ольга Николаевна не отвечает сразу, потом говорит: — Мы хотели, чтобы ты не волновался.

— Я не волновался, — говорит он и вытирает нос рукавом.

— Ванечка...

— Я Ваня.

— Хорошо. Ваня. Давай сейчас сделаем перерыв.

— А он уйдёт?

Речь обо мне, но он даже не смотрит в мою сторону. Светлана Андреевна отвечает: — Глеб Викторович подождёт в коридоре.

Я поднимаюсь. Ноги затекли, колено снова хрустит. Ваня берёт игрушечный вертолёт за хвост и протягивает мне.

— Заберите.

— Он твой.

— Мне самолёт обещали.

— Тогда оставь до самолёта.

— Не хочу.

Я принимаю игрушку. Одна лопасть погнулась и теперь смотрит вниз. Пакет и коробка остаются возле аэродрома. Кладу вертолёт внутрь без креплений.

— Я буду в коридоре, — говорю я.

Ваня опускает голову. Выхожу. Дверь за мной закрывается не до конца — снизу мешает резиновый ограничитель.

Ольга Николаевна остаётся внутри. Светлана Андреевна садится на пол возле развалившейся полосы.

— Он меня забрать хочет? — слышу я.

— Пока нет. Он хочет узнать тебя.

— А потом?

— Потом взрослые всё решат.

— Опять?

— Ваня...

— Я домой поеду с Алиной. У меня там кровать в четверг.

— Мы поговорим об этом позже.

Несколько секунд тихо. Потом шуршат деревянные бруски.

— А с тем чужим дядькой я никуда не поеду.

Глава 4. Четырнадцать дней (Алина)

В девять сорок семь Ольга Николаевна пишет, что Ваня отказался возвращаться в группу.

Я читаю сообщение в подсобке между двумя занятиями. За стеной мама пятилетней Леры уговаривает дочь не снимать слуховой аппарат, а у меня на ладони лежит телефон и одна строчка, в которой нет ни слова «приезжайте».

«После встречи с родственником сильное возбуждение. Требуется вас. Психолог просит подойти, если сможете».

Если смогу.

До центра двадцать три минуты на машине без пробок. Следующее занятие через сорок. Потом ещё три подряд.

Я открываю дверь подсобки.

— Марина Львовна, можно вас на минуту?

Заведующая сидит за стойкой администратора и раскладывает по папкам договоры. Она смотрит сначала на меня, потом на часы.

— Что случилось?

— Ваня плохо перенёс встречу с братом. Меня просят приехать.

— Сейчас?

— Сейчас.

Она снимает очки. На переносице остаются две красные вмятины.

— У тебя Лера, Тимофей и близнецы после обеда.

— Леру закончит Настя. Тимофея я приму вечером, если мама согласится. Близнецов перенесём на субботу.

— Ты уже всё решила.

— Нет. Я пока только быстро говорю, чтобы не успеть испугаться вашего ответа.

Марина Львовна вздыхает и берёт телефон.

— Езжай. Но Тимофея сама предупредишь. Его мать в прошлый раз двадцать минут объясняла мне, что речевое развитие ребёнка рухнет из-за одной перенесённой среды.

— Предупрежу.

— И, Алина...

Я уже натягиваю пальто.

— Да?

— Ты вчера была в суде, сегодня опять туда. Ты вообще спала?

— Часа три.

— Это не сон.

— Зато официально не бессонница.

Она качает головой. Я выхожу, пока доброта не потребовала от меня объяснить, где я ночевала и почему на безымянном пальце осталась светлая полоска.

В машине пахнет холодным кофе. Стакан стоит в подстаканнике со вчерашнего утра. Я выбрасываю его у заправки, покупаю воду и еду в центр, соблюдая скорость так тщательно, будто штраф сейчас способен окончательно испортить мою жизнь.

Телефон звонит на светофоре.

Павел.

Я сбрасываю. Он звонит снова.

На третий раз включаю громкую связь.

— Что?

— Доброе утро, Алина.

— У нас оно уже было вчера. Сегодня можно без вступления.

На той стороне короткая пауза. Раньше я слышала в ней усталость мужа. Теперь слышу, как человек выбирает интонацию, с которой будет удобнее получить нужное.

— Кирилл подготовил документы, — говорит Павел. — Я отправил тебе на почту.

— Поздравляю Кирилла.

— Не начинай.

— Я еду. Говори быстрее.

— Там заявление о расторжении брака и проект соглашения. Всё, что мы обсуждали.

— Ты обсуждал. Я слушала.

— Хорошо. Всё, что я предложил. Квартира остаётся мне, машина тебе. По даче делим деньги после продажи. От клиники ты отказываешься, потому что никогда не вкладывалась в бизнес.

Светофор переключается. Машина сзади сигнализирует, и я трогаюсь.

— Квартира куплена в браке, Павел.

— На мои деньги.

— На наши.

— Алина, ты логопед. Давай не будем делать вид, что твоя зарплата оплачивала ипотеку. Я крепче сжимаю руль.

— Моя зарплата оплачивала продукты, коммуналку, мебель, твою мать после операции и четыре года нашей жизни, пока клиника приносила только долги.

— Это невозможно нормально обсуждать по телефону.

— Тогда зачем ты позвонил?

— Чтобы попросить не затягивать. Кристине нельзя нервничать.

Я сворачиваю к центру. Перед воротами стоит тёмный внедорожник с якутскими номерами.

— Передай Кристине, что раздел совместного имущества редко полезен для нервной системы. Особенно когда любовница заранее выбрала комнату чужого ребёнка.

— Она ничего не выбирала.

— Конечно. Комната сама почувствовала, что скоро появится настоящий сын.

— Ты сейчас специально всё искажаешь.

— Нет. Я наконец повторяю твоими словами.

Я отключаю звонок, ставлю машину у мокрого бордюра и несколько секунд сижу, не расстёгивая ремень.

В окнах второго этажа висят бумажные облака. Одно отклеилось и держится на уголке скотча.

Вчера у Вани должен был появиться дом.

Сегодня у него появился брат.

А у меня в почте лежит документ, где восьмилетний брак помещён между словами «расторгнуть» и «отказаться».

Я выхожу из машины.

Ваню я слышу ещё с лестницы.

Он не плачет. Плач был бы проще. Он монотонно повторяет:

— Она не болеет. Она не болеет. Она не болеет.

Ольга Николаевна ждёт у двери игровой. Рядом с ней высокая женщина в сером кардигане — детский психолог Ирина Михайловна. Мы встречались на подготовке заключения, но сейчас её волосы собраны кое-как, а на рукаве прилип кусочек синего пластилина.

— Где он? — спрашиваю я.

Ирина Михайловна кивает на дверь.

— Под столом. Светлану Андреевну укусил не сильно, кожу не прокусил. Игрушки не бросает, себе не вредит.

— А брат?

— В коридоре у запасного выхода.

Я поворачиваю голову.

Мужчина стоит у окна в конце коридора. Высокий, широкоплечий, в тёмном свитере. Бумажная карточка на груди висит немного криво. Он смотрит не на нас, а во двор, где вода собралась в продавленной песочнице.

Глеб Арсеньев.

Я представляла его иначе. Не знаю как именно: вероятно, моложе, шумнее, с той особенной уверенностью родственника, которому достаточно принести свидетельство о рождении, чтобы все остальные отошли от ребёнка.

Этот мужчина стоит так неподвижно, будто ему приказали ждать за дверью и забыли сказать, сколько.

— Он что-то сделал? — тихо спрашиваю я.

— Нет, — отвечает Ольга Николаевна. — Не обещал, не давил, не пытался обнимать. Ваня сам начал расспрашивать про вас и про дом. Потом понял, что мы сказали неправду о вашей болезни.

— Мы?

Она выдерживает мой взгляд.

— Я приняла это решение.

— И оно отлично сработало.

— Алина Сергеевна, сейчас не время.

— Именно сейчас время. Ему уже один раз сказали, что мама уехала в больницу, а потом она не вернулась. Вы решили добавить ещё одну заболевшую женщину?

Ольга Николаевна бледнеет. Ирина Михайловна кладёт ладонь ей на предплечье, затем обращается ко мне:

— Вы правы. Это была ошибка. Но разберём её позже. Сейчас он ждёт вас.

Я снимаю пальто и отдаю Ольге Николаевне. Руки дрожат, поэтому молнию на сумке удаётся расстегнуть только со второго раза.

— Можно мне войти одной?

— Первые минуты — да.

В игровой опрокинут стул. На ковре лежат детали деревянной железной дороги, а у стены стоит игрушечный вертолёт с красным крестом. Ваня забился под круглый стол и прижимает колени к груди. Один шнурок развязан.

Я сажусь на пол в двух шагах от него.

— Привет.

Он смотрит на мои туфли.

— Ты не болеешь.

— Не болею.

— Они наврали.

— Да.

За дверью становится тихо.

— Ты знала?

— Что тебе так скажут? Нет.

— А почему не пришла?

— Потому что взрослые решили, что сначала ты должен встретиться с Глебом без меня.

— С дядькой.

— С дядькой.

Он сопит, вытирает нос рукавом.

— Он сказал, что брат.

— Он твой брат по папе Виктору.

— Паша тоже наврал?

Вопрос попадает точно туда, куда я с ночи старалась не смотреть.

— Да, — говорю я. — Паша вчера сделал очень плохую вещь.

— Какую?

— Он отказался приходить со мной за тобой.

Ваня перестаёт шевелить ногой.

— Совсем?

— Совсем.

— Потому что я укусил Матвея?

— Нет.

— Потому что я чужой?

Воздух входит слишком резко и царапает горло. Я наклоняюсь, но не лезу под стол.

— Ты не виноват. Ни в чём. Паша принял решение, которое говорит о нём, а не о тебе.

— Какое?

— Плохое и трусливое.

— А ты?

— Я не отказалась.

— Тогда заведи меня.

Он говорит это без слёз. Просто протягивает руку из-под стола ладонью вверх, как раньше протягивал мне карточку с новым словом.

Я кладу пальцы на его ладонь.

— Сегодня не могу.

Рука сразу исчезает.

— Значит, тоже.

— Нет. Послушай меня. Я подам новые документы одна. Но это не делается за один день.

— Кровать в четверг.

— Я знаю.

— Сегодня среда.

— Знаю.

— Завтра четверг.

— Да.

— Тогда завтра.

Я закрываю глаза на секунду. Белая кровать сейчас стоит где-то на складе, обмотанная плёнкой. Павел, вероятно, уже отменил доставку. Или не отменил и завтра будет объяснять сборщикам, почему детскую мебель нужно перенести в комнату, предназначенную для ещё не родившегося мальчика.

— Завтра не получится, Вань.

Под столом снова начинается тихое: пятка ударяется о перекладину раз, второй, третий.

— Но я приду завтра.

— С дядькой?

— Не знаю. Это решит психолог.

— Все решают.

— Да. Это ужасно бесит.

Пятка останавливается.

— Тебя тоже?

— Очень.

Он выползает не сразу. Сначала показывается макушка, потом плечо. Я не тяну его. Ваня садится рядом, прижимаясь боком к моей руке, и замечает игрушечный вертолёт.

— Он его принёс.

— Красивый.

— Неправильный. У него четыре.

— Что четыре?

— Лопасты. У настоящего пять. Он сам сказал.

— Значит, разбирается.

— Он летает.

— Я знаю.

— Он меня увезёт?

— Сегодня нет.

— А потом?

Я смотрю на дверь.

— Пока никто не знает.

Ваня упирается лбом мне в плечо. От его волос пахнет яблочным шампунем и столовской кашей.

— Я не хочу на Север.

— Он пока не собирается увозить тебя на Север.

Это единственное обещание, которое я могу дать, потому что слышала про три месяца в городе от Ольги Николаевны. Всё остальное принадлежит людям с папками.

Дверь приоткрывается. Ирина Михайловна спрашивает:

— Можно к вам?

Ваня крепче цепляется за мой рукав.

— Только не дядька.

— Пока только я.

Психолог садится на ковёр напротив. Не поправляет стул, не собирает детали.

— Ваня, ты здорово разозлился.

— Они наврали.

— Да. Мы поступили неправильно.

— Алина сказала.

— И Алина права. Больше мы не будем придумывать болезни. Если чего-то нельзя сказать, так и скажем: «Пока нельзя» или «Мы ещё не знаем».

Ваня изучает её лицо.

— А когда домой?

— Мы ещё не знаем.

Он поворачивается ко мне.

— Она правильно сказала?

— Правильно.

— Всё равно плохо.

— Плохо, — соглашается Ирина Михайловна. — Но не враньё.

Через десять минут Ваня разрешает Светлане Андреевне принести воду. Через пятнадцать поднимает стул. Через двадцать берёт вертолёт, ставит его на подоконник и объявляет, что отдаст дядьке потом, если тот научится покупать правильные.

Когда его уведут завтракать второй раз, он держит меня за два пальца до самой двери столовой.

— Ты придёшь завтра?

— Приду.

— Не заболеешь?

— Если заболею, сама тебе позвоню и скажу.

— А номер у меня где?

— У Светланы Андреевны.

— Я проверю.

— Проверяй.

Он уходит, оглядываясь на каждом третьем шаге.

Глеб всё ещё стоит у окна.

Теперь он смотрит на меня.

Ирина Михайловна собирает нас в кабинете, где на столе стоят четыре чашки и ни одной нормальной ложки. Мне достаётся чайная. Глебу — пластиковая палочка из автомата.

Он садится напротив. Вблизи видно светлую царапину на ладони и усталые складки у глаз. Не тот человек, каким я успела сделать его по дороге сюда. Это неудобно.

— Алина Сергеевна, — представляет нас психолог. — Глеб Викторович.

— Мы поняли, — говорю я.

— Я тоже, — отвечает он.

Голос низкий, спокойный. Ни оправданий, ни попытки понравиться.

— Что вы ему сказали? — спрашиваю я.

— Правду в пределах разрешённого.

— Про что?

— Что я его брат. Что узнал о нём четыре дня назад. Что сегодня не заберу. Что не знаю, когда смогу забрать.

— И про Якутию?

— Он спросил, откуда я прилетел.

— Теперь он думает, что вы увезёте его на Север.

— А вы думаете иначе?

Я ставлю чашку. Чай выплёскивается на блюдце.

— Вы подали на опеку через сутки после звонка.

— Через девять часов.

— Тем более.

— Что именно тем более?

— Вы его не знали.

— Вы тоже когда-то не знали.

— Я пять месяцев к нему ходила.

— Мне уже сообщили. Тридцать восемь зарегистрированных посещений.

От цифры становится не по себе. Я не считала. Просто знала, в какие дни у него музыка, когда после тихого часа он вялый и почему нельзя приносить бананы: от запаха его тошнит.

— Тогда вам должны были сообщить и остальное, — говорю я.

— Сообщили достаточно, чтобы понять: сегодня я оказался лишним человеком в комнате.

— Но уходить вы не собираетесь.

— Нет.

Он произносит это без вызова. Как отвечают на вопрос о погоде, если дождь уже идёт.

Ирина Михайловна поднимает ладонь.

— Вот поэтому мы и сидим здесь. Ваня не вещь, за которую вы должны доказать более раннее право собственности.

— Я не доказываю, — говорю я.

— Доказываете оба. Только разными способами.

Глеб крутит пластиковую палочку между пальцами.

— Что вы предлагаете?

Психолог придвигает к нам лист.

Вверху напечатано: «Предварительная программа установления контакта». Ниже — таблица на четырнадцать дней.

— Глеб Викторович не может просто забрать травмированного ребёнка, который сегодня назвал его чужим дядькой. Алина Сергеевна не может исчезнуть из жизни Вани, пока взрослые решают юридические вопросы. Вы для него значимый взрослый и сейчас единственная устойчивая привязанность вне центра.

— А Павел? — спрашивает Глеб.

— Павел Андреевич письменно отказался от дальнейшего участия.

Я узнаю об этом вместе с чужим человеком.

В животе словно затягивают ремень.

— Когда?

Ольга Николаевна, до этого молчавшая у шкафа, отвечает:

— Сегодня утром прислал заявление.

— Мне он не сказал.

— Вероятно, счёл, что сказал достаточно вчера.

Глеб перестаёт крутить палочку.

— Ребёнок знает?

— Только то, что сказала Алина Сергеевна: Павел не придёт за ним.

Он смотрит на меня. В его взгляде нет жалости. За это я почти благодарна.

Ирина Михайловна проводит ногтем по таблице.

— Первые четыре встречи — вместе с Алиной. Не постоянно втроём: она приходит первой, затем присоединяется Глеб, потом Алина ненадолго выходит. Мы смотрим реакцию. Следующие пять — по обстоятельствам. Совместная прогулка, бытовые действия, еда, дорога. Остальные дни скорректируем после промежуточной оценки.

— Четырнадцать дней, — повторяю я.

— Минимум.

— А потом?

— Потом комиссия решит, можно ли оформлять предварительную опеку и на каких условиях.

— На него?

— Мы рассматриваем все заявления.

Все. Моё, которого ещё нет. Его, уже зарегистрированное.

— Я подам сегодня.

— Вы состоите в браке, — напоминает Ольга Николаевна. — Сначала потребуется новый пакет документов и оценка условий проживания.

— Я найду жильё.

— За день?

— За сколько понадобится.

Глеб наклоняется к листу.

— Время встреч?

— Будни после четырёх, выходные утром. Подстроим под работу Алины Сергеевны.

— У меня отпуск.

— У меня работа, — говорю я.

— Я услышал.

— По вашему лицу не видно.

— У меня вообще с лицом не очень удобно. Оно редко участвует в переговорах.

Ирина Михайловна прячет улыбку в чашке. Я не улыбаюсь.

— И ещё правило, — продолжает она. — При Ване вы не спорите о том, с кем он будет жить. Не обещаете дом, переезд, конкретные сроки. Не расспрашиваете, кого он выберет. Не покупаете его подарками.

— Вертолёт считается? — спрашивает Глеб.

— Один подарок при знакомстве — нет.

— Он его вернул.

— Значит, пока не считается даже подарком.

Я смотрю на таблицу. Завтра — шестнадцать ноль-ноль. Послезавтра — шестнадцать тридцать. Суббота — прогулка в десять. Чужой аккуратный шрифт уже распорядился моей неделей, хотя вчера я не знала, где буду жить вечером.

— Если я откажусь? — спрашиваю я.

Ольга Николаевна отвечает не сразу:

— Тогда встречи Глеба Викторовича продолжатся без вас. Но после сегодняшней реакции адаптация будет тяжелее.

Правильный выбор сформулирован так, чтобы выбора не осталось.

Я беру ручку.

— Я не откажусь.

Глеб ставит подпись после меня. Почерк угловатый, крупный.

— Завтра в четыре, — говорит он.

— Я умею читать.

— Уже заметил.

— А я заметила, что вы отвечаете на вопросы, которых вам не задавали.

— Значит, первые наблюдения прошли успешно.

Ирина Михайловна забирает лист раньше, чем мы успеваем перейти от программы знакомства к программе взаимного удушения.

— На сегодня достаточно. Алина Сергеевна, останьтесь на пять минут. Глеб Викторович, с вами Ольга Николаевна согласует документы.

Он встаёт, кладёт пластиковую палочку на блюдо и у двери оборачивается.

— Ваня сказал, что у кровати два ящика.

Я молчу.

— И что её привезут завтра. Он будет ждать.

— Я знаю.

— Хорошо.

— Что хорошего?

— Что хотя бы один взрослый знает.

Дверь закрывается.

Я смотрю на неё ещё несколько секунд.

— Он всегда такой? — спрашиваю у Ольги Николаевны.

— Я знакома с ним второй день.

— Уже сочувствую.

Ирина Михайловна придвигает ко мне коробку бумажных салфеток.

— Не надо, — говорю я.

— Я ещё ничего не сказала.

— Но коробку придвинули.

— Она мешала мне поставить локоть.

Я вынимаю одну салфетку.

В машине я открываю письмо Павла.

Тема: «Документы».

Ни «Алина», ни «посмотри», ни даже привычного «привет». Четыре вложения и фраза: «Подпиши, пожалуйста, до пятницы, чтобы Кирилл успел подать всё в понедельник».

Пожалуйста.

Я скачиваю проект соглашения. На первой странице наши паспортные данные. На второй квартира на Лесной переходит Павлу Андреевичу Белову. На третьей я подтверждаю, что не имею и не буду иметь имущественных претензий к доле в стоматологической клинике. Машина остаётся мне. Деньги от продажи дачи делятся поровну за вычетом расходов, которые определит Павел.

Обещанной двухкомнатной квартиры через полгода в документе нет.

Я перечитываю дважды. Потом звоню ему.

Он отвечает сразу.

— Посмотрела?

— Где квартира?

— Какая?

— Которую ты вчера обещал купить мне в течение шести месяцев.

— Это предварительный проект.

— В предварительном проекте ты уже предварительно забрал всё себе.

— Не начинай опять. Мы внесём пункт позже.

— Когда позже? После моей подписи?

— Кирилл сказал, что обязательство купить конкретный объект нельзя сформулировать без параметров.

— Зато моё обязательство навсегда отказаться от клиники сформулировал прекрасно.

Павел шумно выдыхает.

— Ты никогда не имела отношения к клинике.

— Я продала бабушкину квартиру, когда ты открывал второй кабинет.

— Эти деньги пошли на ремонт нашей квартиры.

— Не все.

— Ты сейчас серьёзно собираешься считать переводы восьмилетней давности?

— Уже собираюсь.

Я открываю банковское приложение. История за такой срок не показывается, но выписки можно заказать.

— Алина, — голос Павла становится тише. — Ты же понимаешь, что нам всё равно придётся договориться.

— Придётся.

— Тогда зачем война?

— Потому что мирный договор, в котором одна сторона отдаёт квартиру, деньги и право задавать вопросы, обычно называется капитуляцией.

— Тебе кто-то уже напел? Этот брат?

Я смотрю на тёмный внедорожник. Глеб стоит возле него и говорит по телефону, отвернувшись к воротам.

— При чём здесь он?

— Ты в центре?

Я не отвечаю.

— Конечно, — говорит Павел. — Ты снова бросила работу и побежала туда.

— Я не бросила работу.

— Ты всегда так. Стоит Ване дёрнуть тебя за рукав, и больше ничего не существует.

— Сегодня он дёрнул меня за рукав, потому что узнал: ты отказался от него письменно. Тишина.

— Это формальность, — наконец говорит Павел. — Опекуну нужно понимать мою позицию.

— Теперь понимают все. Даже шестилетний ребёнок.

— Ты сама ему сказала?

— Да.

— Зачем?

— Чтобы он не решил, что ты не пришёл из-за укушенного Матвея.

— Господи, Алина. Ты вообще умеешь дозировать информацию?

— А ты умеешь только дозировать правду. По пятнадцать месяцев за порцию.

Он произносит моё имя предупреждающе, как раньше, когда я повышала голос при пациентах в клинике.

— Документы я не подпишу, — говорю я. — Закажу выписки, найму адвоката и подам встречные требования.

— На какие деньги?

Вопрос вылетает у него слишком быстро.

Мы оба молчим.

Вот оно. Не квартира, не клиника, не Кристиныны нервы. Уверенность, что мне некуда идти и нечем защищаться.

Я замечаю Глеба у машины. Он убрал телефон и смотрит в мою сторону, но, встретившись взглядом, отворачивается.

— Найду, — отвечаю я.

— Ты ведёшь себя неразумно.

— Зато впервые без твоего разрешения.

Я отключаюсь, заказываю расширенную выписку и пересылаю документы знакомой матери одного из моих учеников. Она семейный юрист. Мы виделись дважды вне кабинета и всегда говорили только о постановке звука «р», но сейчас этого достаточно.

«Елена, простите за личную просьбу. Нужна консультация по разводу и разделу имущества. Срочно».

Ответ приходит через минуту:

«Сегодня в 19:30. Ничего не подписывайте. И сохраните всю переписку».

Я сохраняю письмо Павла, сообщения, вчерашний проект соглашения и скриншот его обещания про квартиру, которое он всё-таки успел написать ночью: «Я же сказал, двушку тебе купим, не останешься на улице».

«Купим».

Как будто Кристина уже сидит рядом с ним за семейным столом и они вдвоём решают, сколько жилых метров выделить бывшей жене.

По стеклу стучат.

Я вздрагиваю. Глеб стоит у водительской двери. Опускаю окно на несколько сантиметров.

— Что?

— Вы забыли это.

Он протягивает сложенный лист — копию программы на четырнадцать дней.

— Спасибо.

Я беру бумагу. Он замечает открытый на экране документ, но не пытается прочитать.

— Завтра в четыре, — говорит Глеб.

— Вы уже говорили.

— Теперь у вас расписание.

— Боитесь, что я не приду?

Он смотрит на меня через узкую щель окна.

— Нет. Боюсь, что придёте, даже если вам будет нечем дышать.

Я поднимаю стекло.

Лист остаётся на коленях. В верхней строке — моё имя. Рядом его. Ниже четырнадцать клеток, в которых мы должны изображать взрослых, способных не разрушить шестилетнего мальчика своими решениями.

Телефон снова вибрирует.

Павел присылает одно сообщение:

«Если до пятницы не подпишешь, предложение по квартире снимаю».

Я перечитываю его, делаю скриншот и пересылаю Елене.

Потом открываю календарь.

Сегодня среда. До пятницы два дня.

В программе знакомства — четырнадцать.

У Павла есть квартира, клиника, юрист и беременная женщина, ради которой он торопится освободить место.

У Глеба — заявление на опеку, отпуск и родство, которое помещается в одной строке свидетельства.

У меня пока только работа, чемодан в чужой прихожей и подпись под таблицей.

Но я больше ничего не выбрасываю.

Ни папку из суда.

Ни банковские выписки.

Ни себя.

Глава 5. Мальчик, который не верит взрослым (Глеб)

В три пятьдесят восемь Алины нет.

Я стою у окна на втором этаже и смотрю, как к воротам подъезжают машины. Серая «Лада», белый фургон с хлебом, такси. Её тёмно-синей машины нет.

В программе написано: Алина приходит первой. Затем присоединяюсь я. Через двадцать минут она выходит из комнаты на пять минут.

Программа напечатана человеком, который уверен, что взрослые приезжают вовремя, дети реагируют последовательно, а пять минут можно отмерить часами.

В три пятьдесят девять к воротам сворачивает синяя машина.

Я отхожу от окна.

— Ждали? — спрашивает Ольга Николаевна.

Она сидит за столом и ставит галочки в копии моего заявления.

— Проверял выполнение расписания.

— Конечно.

— Что?

— Ничего. Жизнь человека становится спокойнее, когда он называет ожидание проверкой расписания.

— Я не волнуюсь, приедет ли Алина Сергеевна.

Ольга Николаевна поднимает глаза.

— А зря. Сегодня Ваня спрашивал о ней с пробуждения.

— Ему сказали, что она придёт в четыре.

— Ему вчера сказали много разного.

Это справедливо, поэтому я молчу.

На столе лежат копии моего паспорта, справки о доходах и выписки на квартиру в Якутске. Рядом — предварительное заключение психолога. В нём меня называют «кандидатом из числа близких родственников». Слово «близких» выглядит как ошибка, которую пока не заметили.

— Из городской авиабазы звонили? — спрашивает Ольга Николаевна.

— Утром. Готовы принять на три месяца после медкомиссии и проверки документов.

— График?

— Пока дневные дежурства. Без ночных вылетов первую неделю.

— А потом?

— Потом буду договариваться.

— Вы часто отвечаете «потом».

— Потому что у меня нет привычки обещать то, чего ещё нет.

В коридоре раздаётся быстрый стук каблучков. Алина появляется в дверях без пальто, с сумкой на плече и бумажным пакетом в руке. Волосы собраны резинкой, несколько прядей прилипли к щеке. Она переводит дыхание.

— Я не опоздала.

— Две минуты в запасе, — говорю я.

— Спасибо, диспетчер.

— Он не диспетчер, — замечает Ольга Николаевна.

— Сегодня это неважно.

Алина ставит пакет на стул. Из него торчит зелёная крышка пластикового стакана.

— Что там? — спрашиваю я.

— Ничего запрещённого. Стакан Вани. Он пьёт воду только из него, когда нервничает.

— Здесь есть стаканы.

— Есть. Но не этот.

Она произносит так, будто объясняет разницу между исправным и неисправным двигателем человеку, который почему-то не видит трещину.

Ирина Михайловна выходит из соседнего кабинета.

— Хорошо, что оба вовремя. Ваня ждёт в игровой. Алина Сергеевна, сначала вы одна. Глеб Викторович войдёт через пятнадцать минут.

— Вчера было двадцать, — говорю я.

— Сегодня пятнадцать.

— Почему?

— Потому что сегодня четверг.

Я смотрю на неё.

— Шутка, — поясняет психолог. — Потому что утром Ваня спокойно говорил о вас две минуты, прежде чем спрятаться за шкаф. Это прогресс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.